

НИКТО, КРОМЕ НАС!

СПЕЦНАЗ **ВДВ**

ДЕСАНТНИКИ НЕ СДАЮТСЯ

★ *Сергей ЗВЕРЕВ* ★

Сергей Иванович Зверев

Десантники не сдаются

Серия «Спецназ ВДВ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178927

Сергей Зверев. Десантники не сдаются: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-16906-7

Аннотация

Террористическая организация «Синдикат», методично уничтожая российских ученых, пытается сорвать намечающийся прорыв в области прогрессивных технологий. При загадочных обстоятельствах погибает ученый Галустян, следом за ним – Панин. Но это не все. Преступники намерены парализовать жизнь столицы, подсыпав порошок радиоактивного изотопа в водопровод. Похоже, службы безопасности бессильны предотвратить катастрофу. В самый драматический момент в дело вступает мощная нелегальная организация специального назначения «Пирамида». Капитан ВДВ Влад Абросимов по кличке Русич выбирает невероятно опасную роль и принимает на себя главный удар «Синдиката»...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Сергей Зверев

Десантники не сдаются

Пролог

Бригадный генерал, заместитель министра шариатской безопасности Свободной Ичкерии Адам Анзоров попался как мальчишка. Для опытного волка непростительно было повестись на простую хитрушку, придуманную русскими шайтанами. Причина его несчастий была стара как мир – элементарная недооценка противника. Он не считал русских воинами. И вот на горной тропе судьба свела его с разведывательно-диверсионной группой ВДВ под командованием Медведя...

Сентябрь 1995 года выдался ветреным и дождливым. Адам Анзоров с ближайшими людьми отлеживался в горном ауле, прорабатывая детали акции возмездия.

В доме было сухо, тепло и спокойно. Но Адаму Анзорову пришлось оставлять лежку. На связь вышел «Слуга пророка». Русские продажны. Чеченцы наперед знают их шаги, и это стоит совсем не дорого. Вот и сейчас пришло сообщение, что на рассвете федералы планируют зачистку села. А значит, надо сниматься. Что ж, так уже бывало не раз. Анзоров привык мерить ногами горные тропы и степные простран-

ства, забиваться в щели, услышав стрекот вертолета, покрываться холодным потом при малейшем шорохе из зарослей. Он привык бояться вертушек, засад, предательства. Но это был страх воина, который помогает выжить и вцепиться в горло врага зубами. Он бежал, скрывался, прятался. Он умел выждать момент и наносить чувствительные удары. Только дурак прет с кулаками на танк. Умный ждет своего часа, чтобы нанести верный удар.

– Все, пора, – приказал он своим самым надежным бойцам, которые были преданы ему, как сторожевые псы... Во всяком случае, он хотел в это верить. Хотя порой голос разума ему нашептывал – они продадут его, была бы назначена цена. Потому что человек слаб.

Команда быстро и сноровисто собралась. Еда. Снаряжение. Оружие... В путь!

Ушли по горной тропе ближе к вечеру. Адам знал – здесь их горы. Здесь они хозяева... И его группа из восьми человек нарвалась на засаду...

* * *

...Майор ВДВ Олег Денисов, позывной Медведь, из тщательно подобранного укрытия напряженно и выжидательно всматривался в приютившиеся в низине убогие строения небольшого поселка. Каменные домишки. Вросший в землю ржавый трактор. Старенькая «Газель». Цивилизация отсюда

ушла давно. О водопроводе не слышали. Электричества нет давным-давно. Только горы, коровы и бандиты.

– Ключнут... – прошептал Русич, пристроившийся рядом с ним, поправляя автомат.

Комбинация была использована Медведем не раз. И неизменно чеченцы попадались на нее. Пускался слушок, что в каком-нибудь селе ожидается зачистка. Потом оставалось только выбрать удобную позицию и наблюдать, как боевики полезут из населенного пункта, будто тараканы в предчувствии атаки дихлофосом.

В селах работать тяжело. Поди, разберись – где мирный житель, а где сволочь. Поди, обшарь все схроны и подвалы. Зачистки – это дорогостояще, неэффективно и глупо. Мягкая зачистка – бесполезна. Жесткая – это гарантированный вой в скупленных чеченцами с потрохами московских средствах массовой информации о геноциде свободолюбивого народа, запросы из Совета Европы, очередной визит комиссии по правам человека под предводительством лорда Уильямсона и прочие радости. Такого спецназу не надобно. Спецназ работает тихо, ювелирно, с учетом того, что власть готова всегда продать своих солдат.

Главное, оттянуть боевиков в ничейную зону...

Ничейная полоса – это зеленка. Это горные дороги. Это степи. Это место, где в щелях и укрытиях хоронятся боевики. И это место работы спецназа. Здесь все четко и ясно. Спец знает: все, кто не на броне с символикой россий-

ской армии и вне колонн, – враги. Все встречные подлежат уничтожению, если не будет четко известно, что это федералы. Здесь нужно двигаться осторожно и бесшумно. Засады, противопехотные мины, многолетние растяжки. Каждый шаг грозит стать последним. Но здесь ты свободен. Здесь ты охотник. На ничейной полосе ничто не зависит от продажных московских политиканов, генералов-взяточников, чеченских агентов, уютно устроившихся во всех силовых структурах и в высоких кабинетах. Здесь все зависит от тебя и твоего товарища. Здесь действует первобытный закон – убей или умри.

Медведю и его бойцам из офицерской разведывательно-диверсионной группы полка спецназначения ВДВ такие законы по душе. Они затаились, слившись с зеленкой. Маскировочные комбинезоны, украшенные листьями, ветками, делали их невидимыми – даже в инфракрасной зоне спектра. Оружие наготове. Действия просчитаны. Ангелы мщения ждут своей минуты.

– Они выходят, – кивнул Медведь, заметив движение в селе. И сделал знак рукой – занимаем огневые позиции...

* * *

...Адам Анзоров был зол. Злы были и его бойцы. За этот месяц им уже в третий раз приходилось менять убежище. Русские шныряли по Ичкерии, и приходилось постоянно ме-

нять схроны. Он думал о мягкой постели, согретой женским телом, о горящем очаге, которые сегодня будут не про его честь. И в груди поднималась сладостная ярость. Он будет бить, душить, травить русских. Воинов, женщин, детей – до кого дотянется. Удары возмездия будут страшны.

Одетые в новенький российский камуфляж и разгрузочные жилеты, груженные боекомплектами, вооруженные автоматами Калашникова, одноразовыми гранатомами, боевики устремились вверх по горной тропе. Вокруг – сплошная зеленка. Места знакомые. Их места. Здесь нечего бояться... Так думал Анзоров. Но тут где-то слева оглушительно грохнуло и по щеке хлестнул какой-то кровавый ошметок.

Анзоров привык действовать. Еще не поняв, что произошло, он уже вздернул автомат, дал очередь наугад и бросился вперед. Засада! Главное – уйти. Здесь все решают мгновения. В зеленке организовать сопротивление трудно. Здесь каждый за себя.

Он не видел, как падают его бойцы, снесенные взрывами, прошитые пулями. Он ломился сквозь кусты, движимый животным чувством загоняемого зверя – уйти!..

* * *

Капитан ВДВ Влад Абросимов, позывной Русич, хотел срезать очередь рвущегося ему навстречу, обезумевшего моджахеда. Палец дрогнул на спусковом крючке. И не закон-

чил смертельное движение... Позиция была удобная. Бандит на ходу выкинул магазин, выдернул из разгрузки еще один, пытаясь подсоединить его.

Влад скользнул пантерой – бесшумно и смертельно, вслед убегающему боевику... Тот понял, что его преследуют, когда оставалось совсем немного. Попытался обернуться. Влад выключил здорового, мускулистого чеченца небрежным, профессиональным движением – так тигр ломает лапой хребет антилопе.

Русич огляделся, напряженно вглядываясь в зеленку. Огневой шквал ушел. Слышались лишь одиночные хлопки. Это бойцы разведывательно-диверсионной группы добивали еще шевелящиеся тела.

Влад скрутил сзади ремнем руки поверженному чеченцу. Издал условный звук, подражая птице. И через минуту из зеленки появился Медведь.

– Чеха подмял, – кивнул Русич.

– Живой? – разглядывая добычу, осведомился Медведь.

– Язык.

– Ну-ка. – Медведь перевернул пленного, присмотрелся к нему внимательно и удивленно произнес: – Вот это дичь! Сам Адам Анзоров к нам в гости пожаловал!

Влад присвистнул. Да, сегодня охота удалась.

– Все, берем тело и уходим, – кивнул Медведь.

Им еще немало топать до точки, на которой их заберет «вертушка».

Эвакуация группы прошла без сучка и задоринки. «МИ-8» приземлился в расположении полка близ Грозного.

– Языки не распускать, кого взяли, – сказал командир разведывательного полка ВДВ, разглядывая выстроившуюся в штабном помещении группу. – Для всех вы вернулись пустыми. Ясно?

– Так точно, – кивнул Медведь.

Владу этот разговор не понравился. Выйдя из штаба, присев на скамейку и разглядывая укрепленные позиции вокруг расположения, он сказал присевшему рядом Медведю:

– Опять хренота какая-то творится. Боюсь, этого палача опять из высших политических и гуманных соображений отпустят. Или обменяют на кого-нибудь. Или продадут подороже... Надо было его в лесу валить...

– Не надо. Все правильно сделали... Не бойся, все будет нормально, – заверил Медведь. Он был совершенно спокоен и имел вид человека, который знает гораздо больше, чем говорит.

Позже начались вообще малопонятные вещи. Медведю и его группе приказали конвоировать пленного в Гудермес. И в сопровождение им дали непонятно для чего Тунгуса – психолога из Минобороны, прикомандированного к части. Психологом это дитя северных народов с раскосыми черными

глазами был, видимо, неплохим. Но помимо этого он был отличным спецом. Месяц назад Медведю его навязали в поиск. И тогда психолог показал отличную спецназовскую подготовку. Брел наравне со всеми, не скулил, не ныл. Оружием работал отлично. А когда взяли пленного, от которого нужно было срочно получить информацию о расположении бандитской базы, гордый ваххабит объявил, что готов умереть или откусить язык. Говорил он искренне. Тунгус попросил оставить их наедине. И за десять минут расколол пленника. Тот был бледным, с отупевшим взглядом и говорил, как биоробот.

Группа Медведя доставила бригадного генерала Адама Анзорова на базу около Гудермеса. Спецназовцы-десантники, чертыхаясь, что выполняют роль тюремщиков, двое суток днем и ночью охраняли пленного. Его посадили для надежности на цепь в глухом подвале без окон, с бледной лампой дневного света. И все время он находился в поле зрения бойцов. Приказано было в разговоры с ним не вступать. Однако бригадному генералу страсть как хотелось живого общения.

– Чего вы здесь делаете? Мы все равно победим! Там, где не убьем вас, там купим, слышь, дурак русский!.. Купим! Убьем!.. Вы все равно уйдете, бляди! Все равно! А потом мы придем к вам!

Кончилось все тем, что прилетел Эскулап. Влад, ждавший загадочного столичного гостя на вертолетном поле, то-

гда еще не знал, что встречает именно Эскулапа. Да и этот псевдоним не сказал бы ему ничего.

– Здравствуйте, – произнес Эскулап, выбравшись из «МИ-8». При этом он стеснительно улыбался. Ладонь, протянутая для рукопожатия, была мягкой и вялая. Только позже Влад поймет, что это за существо. Но тогда это был просто столичный гусь, совершенно невзрачный на вид, рассеянный и весь штатский до мозга костей, а значит, принадлежащий для бывалого, но еще очень молодого капитана-десантника к низшей категории людей. Влад так бы и утвердился в легком снисходительном презрении к этому человеку. Вот только их взгляды мимолетно пересеклись. И на миг Русич ощутил, как по коже прошли мурашки.

Эскулап развел руками:

– Ну, молодой человек, я весь в вашей власти. Ведите.

К какой организации принадлежала эта важная персона, Влад не знал. Но ясно – шишка не маленькая. В вертолете вместе с ним из Моздока прилетели трое громил-телохранителей в камуфляже, самого зверского вида и неопределенного рода войск – то ли госбезопасность, то ли что-то похожее. Глядя на их самоуверенные физиономии, Влад испытал ревнивое чувство – а как бы эти супермены показали себя в зеленке. Но чутье подсказало ему – достойно показали бы. На уровне.

Эскулап выжал пленного за три часа. Досуха. Как половую тряпку!

О чем рассказал бригадный генерал Адам Анзоров – Владу не докладывались. Больше пленного он не видел. И не слышал ничего о нем.

Потом старший «гоблин» из сопровождения Эскулапа о чем-то долго с глазу на глаз говорил с Медведем. А Влад, решивший, что работа закончена, ждал «вертушку» которая добросит их группу поближе к расположению родного полка... Но вышло иначе.

– Вот что, ребята, – сказал Медведь, явившись в тесное помещение, где обитала его оставшаяся не у дел группа. – Есть работа. Срочная. Нужно подчистить кое-какие концы.

В армии от работы не отказываются.

Все было сделано качественно, с толком. Десантирование с вертолета в условленном месте. Марш-бросок. Выход к объекту – высокогорной заброшенной кошаре – приюту пастухов. Вот только пастухов там не было. Тщательная рекогносцировка позволила вычислить четверых бородатых бандитов. Предраассветная мгла... И бесшумная работа. Едва слышный хлопок пистолета. Горячая кровь врага на руке, сжимающей десантный нож. Зачищено.

– То, что искали, – удовлетворенно кивнул Медведь, осматривая тщательно скрытый в нескольких десятках метрах от жалкого домика тайник.

Три тяжелых металлических контейнера извлекли наружу. В свете фонарей на них были видны наклейки – специфический знак, цветочек, означавший радиоактивную опас-

ность.

– Что это за муть? – воскликнул Казак.

– Оружие возмездия бригадного генерала Анзорова. Радиоактивные изотопы, – сообщил Медведь. – Ядерный террор. Большую беду мы предотвратили... Если бы ты, Влад, живым того урода не взял...

– Высокие технологии на службе джихада, – пробормотал Влад. Тревожное чувство, которое возникло при виде этих контейнеров, не проходило. Почему-то ему казалось, что ничего еще не закончено. Что это только первый тайм игры. Который, к счастью, остался за российским спецназом. Что будет дальше?..

Два пятнистых «крокодила» (вертолеты огневой поддержки «МИ-24») и зеленая «пчела» («МИ-8»), с грохотом меся лопастями воздух, вышли на радиомаяк и зависли над кошарой. «Восьмерка», пригибая жухлую траву, тяжело уселась на поверхность, утопив шасси в размякшей земле.

– Быстрее! – крикнул летчик. – У боевиков в эфире оживление. Нужно сниматься в темпе вальса!

Контейнеры погрузили в чрево «восьмерки». Там же приютилась диверсионная группа. Винтокрылые машины взмыли в небо и взяли курс на Моздок.

Дверь машины была распахнута, на турели прикреплен ручной пулемет, и радист водил его стволом из стороны в сторону, готовый дать очередь по всему, что движется на земле. Около каждого иллюминатора были крепления для

автоматов. Вертолет вмиг мог ощериться стволами.

– Вот черт, – покачал головой Влад, глядя на проносящиеся внизу, покрытые осенней желтизной и багрянцем горы. – Где гарантия, что эти выродки не прикупят еще изотопов, чтобы устроить радиоактивный ад в наших городах?

– Нет никаких сегодня гарантий, Русич. – Медведь помолчал, потом произнес: – Кроме нас...

* * *

Положа руку на сердце, Влад надеялся минимум на орден по итогам этой акции. Но надеялся зря. Вызвал группу Медведя командир полка и сказал:

– Спасибо, ребята. Вы молодцы... И держите язык за зубами.

Влад и держал язык за зубами. Долгие годы. Молчал, как рыба, всю эту войну, которую безвылазно провел в Чечне. Продолжать молчать и тогда, когда после позорного мира с бандитами покинул армию, и понесла его судьба по свету – Польша, Германия, французский иностранный легион, Латинская Америка. Но мысль о серебряных контейнерах со смертельным цветком преследовала его. Образ невидимой смерти, мельчайшими частицами изотопов проникающей в тело человека, изъедающей его изнутри, вскипающей лучевой болезнью или прорастающей раком, был холоден и жуток. Влад всегда боялся, что последует продолжение этой ис-

тории. Что невидимая смерть все-таки вырвется из плена радиационных убежищ и свинцовых стен.

И боялся он не зря. Уже будучи оперативником законспирированной внегосударственной структуры «Пирамида», он узнал однажды – кошмар вернулся. Он грозит материализоваться наяву. Это судьба. Опять, как в былые времена, на пути его должны встать бывшая офицерская разведывательно-диверсионная группа ВДВ, а ныне лучшие оперативники «Пирамиды» – Русич, Казак, Медведь...

Часть первая

Короли террора

Грамм никотина убивает лошадь. Сколько сигарет нужно выкурить, чтобы получить этот хрестоматийный злосчастный грамм? Наверное, не одну тысячу. Галустьян с семнадцати лет курил как проклятый. Особенно вечерами, когда работа шла. Осваивал полторы пачки в день. Однако к смертельной дозе не подобрался даже на расстоянии выстрела... Смешно, погубила его всего лишь одна единственная сигарета!

С куревом вечерами всегда была беда. Когда Галустьян погружался в работу, просиживая часами в своей тесной двухкомнатной квартире перед стареньким монитором, то почему-то так оказывалось, что сигареты непременно кончались ближе к полуночи. В этом была какая-то мистика. Можно было бы кинуть в сервант пару блоков «Парламента», но почему-то Галустьян никогда этого не делал. Ему нравился сам процесс – когда он утром в ларьке около метро покупает сигареты. Это многолетняя привычка. И стрелять вечером сигареты тоже уже вошло в привычку.

– Извините, у вас закурить не найдется? – привычно произнес Галустьян, отрываясь от подъезда и направляясь к невзрачному мужчине в сером плаще и серой кепке. Ка-

кой-то черт его нес незнамо куда близко от полуночи.

Мужчина вынул пачку.

– Можно, две возьму? – Галустян увидел, что угощают его любимым «Парламентом».

– Берите больше.

– Двух хватит.

Галустян поблагодарил благодетеля и вернулся в свое логово. К компьютеру! За работу! Уже ночь на дворе!

Стандартная «двушка» располагалась на седьмом этаже девятиэтажного доме в Строгино. Комнаты тесные, как лифт, кухня пять метров – разве что для сортира в самый раз. Хлипкие стены не выдерживали натиска окружающего мира. Они пропускали грохот музыкального центра этажом выше, назойливый визг противоугонки – казалось, сирена звучит не на стоянке внизу, а прямо на кухне. Галустян любил тишину, а его добивали звуками. И еще давила убогость обстановки.

Кому нужны сегодня доктора наук? В свое время нечего, видимо, было маяться дурью, заканчивать с золотой медалью школу и с красным дипломом институт. Вот отсидел бы, как многие его друзья по спорту, лет пять на зоне. Вышел бы уважаемым человеком. Глядишь, сегодня имел бы дом на Рублевке, а не жалкую каморку в картонной девятиэтажной коробке.

Но тогда не было бы и сладости творческого поиска. Не было бы счастья, когда хочется крикнуть – ай да я, ай да су-

кин сын! Ничего не было бы, что по-настоящему дорого ему.

Ничего, скоро все изменится... Первое, что он сделает, когда деньги потекут рекой, – обустроит свой дом. А деньги рекой обязательно потекут. Бурным таким горным потоком... Иначе быть не может.

По экрану ползли графики. Для непосвященного – бред. Для знающего – высокая гармония, музыка сфер. Которая дорогого стоит.

– Милая моя деточка-а-а. Ты моя конфеточка-а-а, – голос известного бешеной раскруткой и вопиющей бездарностью певца лился из динамиков у соседей внизу.

Это была последняя песня. Динамики замолкли. Воцарилась долгожданная тишина. На улице, наконец, утвердилась ночь, погасив звуки и суету.

Лучшее время для работы. Полумрак. Запах табака. Полная пепельница у монитора.

Галустян сунул в рот сигарету.

Глубокая, сладкая затяжка... Еще одна... Сигареты были на редкость приятные. Только привкус какой-то странный. Приятный, но странный... Очень приятный... И очень странный...

Галустян откинулся, расслабляясь, на спинку вертящегося стула. Провел пальцами по лицу. Дым сигарет туманил голову. Становилось хорошо.

Еще одна затяжка...

Галустян замер, уставившись в монитор. Графики на нем

вдруг заплясали в такт биению сердца. Грудь стиснуло внезапно навалившееся томление.

– Что за черт, – прошептал он.

Мысли стремительно стали путаться.

По инерции Галустян сделал еще одну затяжку...

В квартире что-то изменилось. Он с трудом повернул деревенеющую шею. Его несколько не удивило, что в квартире он уже не один.

Серый человек мягко, как кошка, вошел в комнату и аккуратно уселся на пискнувший стул напротив. Положил дружески руку на плечо хозяина квартиры.

– Кто ты? – выдавил Галустян.

– Я твой друг, – последовал ответ.

И ученый не находил никаких оснований не доверять этому утверждению. «Друг» был тем типом, который недавно угостил ученого сигаретой.

Где-то в глубине души Галустяна еще теплились остатки здравого смысла. Он понимал, что так не должно быть, и что виной всему та проклятая сигарета, в которой намешана какая-то дрянь. Но пучина уже затянула его сознание, и выбраться на поверхность уже невозможно.

– Твои руки тяжелеют. Твои веки тяжелеют, – журчал голос.

Свет ополовиненной Луны затоплял все вокруг. Предметы теряли свои очертания. Теряли свой смысл.

– Ты переутомился. – Голос серого человека обволакивал,

как болотный туман. – Ты переутомился. У тебя был тяжелый день. Жизнь тяжела. Она тяготит тебя.

– Нет. – Вдруг что-то восстало в душе Галустяна. Ему захотелось убедить незнакомца, что жизнь вовсе не так плоха. Но он понимал, что не докажет ничего... Да и жизнь действительно тяжела...

– Ты хочешь написать друзьям, – продолжал обволакивать голос, такой же серый, без оттенков, как и его хозяин. – Пиши... Это важно. «Я устал от всего. Не вините меня».

– Я устал от всего, – послушно повторил ученый и перевел взгляд на стол. Перед ним уже лежала бумага и любимая авторучка – «Паркер» с полуоткрытым золотым пером. Эта вещь осталась от старых, коммунистических времен. Тогда она стоила бешеные деньги – тридцать рублей...

Перо привычно зашуршало по бумаге. В одном месте зацепилось, и на лист черным вороном села клякса... Непорядок... Галустян обеспокоенно заерзал, но голос серого человека успокоил его.

– Все в порядке. Ты устал. Ты хочешь дописать письмо. Пиши...

Письмо дописано. Белый лист лег на клавиатуру компьютера. Гость извлек из кармана таблетки. Вытряхнул себе на ладонь. Они были красные.

– На. Это поможет. Это успокоит. Это сделает жизнь лучше.

Галустян верил ему. И глотал таблетки, запивая прямо из

бутылки кока-колой, которую услужливо взял на кухне гость.

– Прощай! – серый человек ушел.

Лунный свет все глубже засасывал, как зыбучий песок. И у Галустяна не было сил сопротивляться. Ему хорошо. Как было обещано, ему очень хорошо.

– Я устал. Не вините меня, – прошептал он...

* * *

– Мне нужен боржом в стеклянной бутылке, девушка! В стеклянной! А не это пойло, – возмутился очкастый, круглолицый здоровяк, подбрасывая пластмассовую бутылку с таким видом, будто хотел запустить её в официантку.

– Поищем, – пролепетала девушка.

– Уж поищите! – Круглолицый вытряхнул из коробочки зеленую таблетку, проглотил ее и с жадностью набросился на солянку в глиняном горшочке.

– Здоровье бережешь? – спросил красивый чеченец в бежевом костюме, сидевший за одним столиком с круглолицым.

– Оно у меня одно, Рустам. Одно! И его не купишь! Поэтому я должен пить настоящий боржом.

– Будто паленый боржом нельзя в стеклянную тару закачать.

– Можно. Но труднее...

– Тебе на диету надо, – рассудительно произнес Рустам,

но в глубине его глаз скрывалась насмешка.

– Не надо. Диета ввергает меня в невроз. От нее вреда больше, чем пользы. Просто нужно есть строго по расписанию.

«Особенно, когда на халяву», – подумал Рустам, без всякого аппетита перемешивая ложкой солянку.

Придорожный ресторан – вполне подходящее место для конфиденциальных встреч. Народу в зале немного. Несколько шоферюг расселось по углам. Еще двое крепких бойцов с настороженными глазами сидели у входа – это охрана Рустама.

Можно было бы и не сидеть в этом ресторане, а давно уже разойтись. Но обед стал традицией при встречах этих людей. Круглолицый был патологически жаден, и халява его расслабляла, добавляла ему тонуса. А сегодня была самая важная, ключевая из встреч. Итог многомесячных переговоров. Сегодня все срослось. И Рустам не посчитал грехом за такое дело опрокинуть рюмку-другую из запотевшего графинчика.

Официантка принесла боржом в стеклянной бутылке, с ненавистью глядя на посетителя.

– Приятно с тобой дело иметь, Василий. – Рустам налил себе водки, потянулся к рюмке сотрапезника, но тот замахал руками – мол, сухой закон.

– Сказал – сделал, – кивнул круглолицый Василий. – В срок и качественно. И заметь, не требую дополнительной платы, хотя и очень хочется.

– Я уже расчувствовался, Васек, ха!

– Давай, чтобы не последняя сделка была. – Василий налил себе в рюмку боржоми и чокнулся.

Рустам еще только начал солянку, а его сотрапезник уже умял свою порцию и потребовал еще одну. Затем пельмени. Еду Василий перемальвал со скоростью электрической мельницы. Его аппетит подстегивала сладкая мысль о халыве.

Рустам еще не успел закончить со своим горшочком, а Василий еже приканчивал пельмени и поглядывал на осетрину.

Последний кусок влез с большим трудом. Но Василий постарался. После чего удовлетворенно откинулся на спинке стула, положив широкие ладони на вздувшийся животик.

– Ну, по последней. – Рустам поднял рюмку.

Чеченец махнул водку, русский трезвенник – боржоми.

– А теперь порадуй брата. – В голосе Рустама прорвалось нетерпение. – Покажи товар.

– В машине, – кивнул Василий. – А где зелененькие портреты американских президентов?

– Все при мне. – Рустам хохотнул. – Представь, смеху будет, если твою тачку сейчас угонят.

– Но твои бойцы за нею присмотрят.

– Ха-ха! Сечешь момент!

– Ха! Секу!

– Ну что, идем? – спросил Рустам.

Василий прихватил не распечатанную бутылку боржоми,

с сожалением оглядел опустевший стол, сокрушаясь, что не развел Рустама еще на пару отбивных, которые можно было бы завернуть с собой.

Они вышли из ресторана. Им вслед пристроились охранники.

На стоянке перед рестораном стояло несколько машин. Тут были две дальнобойные фуры. Старенькая «Тойета». Чуть в стороне застыл черный «Кадиллак»-вседорожник – весь в хrome, солнечные зайчики отплясывают на капоте. Стекла, понятно, тонированы. Шины широкие, ребристые. Не машина, а боевой слон. Мечта порядочного бандита. Гордость Рустама. А тщательно отдраенная, с противотуманными фарами темно-серая «девятка» принадлежала Василию. На трассе метрах в ста от кафе, рядом с магазином автозапчастей, застыл зеленый триста восемнадцатый «БМВ». За тонированными стеклами не было видно, кто там сидит. Но Рустам отлично знал – там четверо его бойцов, со стволами и с приказом при подаче сигнала опасности дырявить пулями все, что движется.

Рустам хлопнул Василия дружески по спине, потом махнул рукой. Из «Кадиллака» выпорхнул худой, подвижный джигит, передал хозяину папку. Там должно было быть что-то около ста тысяч долларов.

– Получи и распишись, – хмыкнул Рустам. Взвесив в руке этот вместительный «кошелек», он передал его Василию. Тот заглянул внутрь. Удовлетворенно кивнул. Полез в багажник

своей машины и с трудом извлек увесистый чемодан.

Договаривающиеся стороны избрали самый простой способ совершения сделки: из рук в руки – деньги-товар. Существует масса других способов, придуманных для того, чтобы усложнить деятельность правоохранительных органов. Деньги и товар могут оставаться в условленных местах – под кустом, в камере хранения. Иногда при передаче используются посредники, которые вообще не в курсе происходящего. Но сейчас решили не мудрить. Все равно, если третьей стороне станет известно, что именно является предметом купли-продажи, тут уж никакие предосторожности не помогут. Вся госбезопасность и МВД на уши встанут, да еще авиацию с артиллерией привлекут. Только вот не станет им это известно. У Рустама, который провернул массу подобных сделок, все под контролем.

– Проверять товар не буду, – сказал чеченец. – Тебе известно, что нас не обманывают?

– Наслышан... Надеюсь, что баксы настоящие.

– А если бы были ненастоящие? Или мы просто бы забрали по беспределу товар? – заинтересовался Рустам.

Василий отвел полу куртки и что-то продемонстрировал ему.

– «Лимонка», – озадаченно произнес Рустам. – И что, рванул бы?

– Мне очень деньги нужны, – с неожиданной каменной твердостью в голосе произнес Василий. – Я сильно злой ста-

новлюсь, когда мне мое не отдают...

– Уважаю. Мужчина...

Юркий подручный Рустама пристроил чемодан в багажник вседорожника.

– Деньги будут – заходи еще, – сказал Василий.

– Деньги будут, – заверил Рустам. – Лишь бы товар был качественный.

– Дерьма не держим, – ответил Василий и грузно устроился за рулем своего «жигуля».

Машины разъехались в разные стороны.

Через пяток километров «Кадиллак» завернул в бетонный «карман», где стояла занюханная «Газель». Чемодан с товаром переключался в нее.

Чеченские машины тронулись с места. Двинули обратно в город. Прилично растянулись. Впереди «Кадиллак». За ним «Газель». Сзади – «БМВ». Последняя машина выделяла фортели. То оттягивалась на значительное расстояние, то обгоняла.

Асфальт шуршал под шинами. Машины пожирали расстояние. Мимо проносились прилепившиеся к трассе поселки, городишки. Белая табличка «Осиновское». Убогие домишки. Дощатые заборы. Та же табличка, но уже перечеркнутая. Все, населенный пункт позади... Деревня «Волковка»... Позади...

Участок дороги плавной дугой выгнулся внутрь сплошного соснового леса. Пузатый старшина оторвался от «жигу-

ленка» с надписью «ГАИ» и махнул полосатым жезлом.

«Газель» затормозила и остановилась прямо посреди лужи. «Кадиллак» с Рустамом, снизив скорость, продолжил движение. А зеленый «БМВ» угрожающе застыл метрах в двухстах сзади.

Сидящий на заднем сидении «Кадиллака» Рустам, ерзая на сидении, глядел на удаляющуюся «Газель» и фигуру милиционера. Он произнес в мобильник:

– Что там, Аскер?

– Кажется, обычные менты, – донесся в трубке голос боевика, сидящего в зеленом «БМВ».

– Контролируй, Аскер. Если что – валите всех...

– Не беспокойся, Рустам. Все будет хорошо.

Тем временем пузатый гаишник, не обращая внимания на лужу, подошел к «газели» и произнес строго.

– Старшина Цыпко.

– Свои, командир. Капитан Дивенко. – Водитель «Газели», по внешности чистый славянин, распахнул дверцу, спрыгнул на асфальт, тоже не обращая внимания на лужу, и продемонстрировал удостоверение капитана ГАИ.

– Что, из самой Москвы? – заинтересовался старшина. – Или из Подмосковья?

– Из нее, златоглавой...

– Москва, звонят колокола, – усмехнулся старшина.

– Звонят... Вот, с дачи барахлишко везу.

– Барахлишко. – Старшина задумчиво рассматривал «Га-

зель». – Машина-то твоя?

– Друга. – «Капитан» кивнул на мужчину в глубине салона «Газели».

– Ах, друга...

Подошел второй гаишник – сержант с автоматом, небрежно болтающимся, как хомут, на шее. Осведомился:

– Свои, что ли?

– Ну да, – кивнул старшина. – Москвич. Вон, глянь, ксивы у них какие новые. Земляк, покажи.

Водитель «Газели» терпеливо продемонстрировал трехцветное удостоверение сотрудника милиции с голографической печатью и штрихкодом.

– Скоро вам тоже на такие заменят.

– Надо думать, – кивнул старшина лениво.

Тут на его боку переливисто запиликала увесистая милицмейская рация. В тот же момент старшина необычно резво для своей тучной комплекции рванулся к водителю «Газели» и мощнейшим ударом кулака в челюсть сшиб с ног, успокоив на несколько минут. Сержант выбросил вперед руку, бросая через открытую дверцу в салон круглый предмет. Внутри «Газели» сверкнуло и ухнуло так, будто взорвалась ракета воздух – земля. Светошумовая граната «Заря» на несколько секунд выбила у пассажиров возможность ориентироваться во времени и пространстве. Осталось только повязать их тепленькими... Все, упакованы!

В это время грузовик перекрыл дорогу стоящему у обо-

чины «Кадиллаку», сзади его подперла тяжелая «Волга-фургон». Рустам не успел опомниться, а его уже выволокли из салона и ткнули лицом в асфальт. Рядом устроился его шибко шустрый помощник, ему не дали дотянуться до спрятанного под сидением пистолета-пулемета «Кипарис».

Около «БМВ» резко затормозил темно-синий «Форд-мондео» с раскосыми глазами-фарами. Трех бойцов будто мощной волной вынесло из его салона. Каждый из них контролировал свою цель – фигуры четверых врагов, сидящих в «бумере». Одна из фигур дернулась. Хлопок – это почти задавленный глушителем звук выстрела. Пуля точно попала в череп – угроза ликвидирована. Ударом приклада вынесено лобовое стекло, водитель выдернут через проем, будто резиновая кукла. У жирного бугая в «БМВ» в голове замкнуло, по-видимому, он хотел рвануть гранату прямо в салоне. Не успел. Его тоже угомонили на асфальте, вжав морду в лужу. Вода булькала и пузырилась от его дыхания.

– Не стреляй! – хныкал бугай.

– Лежи, сученыш, – гаркнул боец и произнес в рацию: – Зачищено!

Пузатый гаишник залез в «Газель». Много времени, чтобы найти тайник, не понадобилось.

– Груз здесь, – произнес он в микрофон рации.

Офис был просторный, не меньше пятидесяти метров, обставленный в современном, никелево-кожаном стиле – знатоки знают, что стиль этот моден и дорог. Такая обстановка призвана убеждать клиентов в том, что дела фирмы обстоят самым лучшим образом. Впрочем, так оно и было.

– Ты заказал билеты? – спросил благообразный, полноватый мужчина лет сорока пяти. Его волосы щедро посеребрила седина. Про такую седину говорят – благородная. Судя по тому, что он занимал место хозяина за просторным столом красного дерева, здесь он был за главного.

– Да, – кивнул лысый колобок с курчавенькой легкомысленной бородой и настороженными глазками. – Рейс в пятницу. До Лос-Анджелеса...

– Что делать, ты, надеюсь, в курсе?

– В курсе, – хмыкнул «колобок». – Начать и кончить... Вообще-то нереально за такой срок...

– Через две недели ты здесь... Что ты должен обязательно успеть – это встреча с доктором Страусом. Визит во Флоридский технологический институт. И проработка протокола о намерениях с компанией «Интеллект». Остальное по обстановке.

«Колобок» с кислым видом кивнул.

– А ты что, хотел на Голливуд там глазеть? Нет, дружок.

Работать надо. Деньги делать. Вкладывать капитал, в том числе интеллектуальный. Движение должно быть. А ты сидишь с унылым видом, Сема. И никакого блеска в глазах...

Судя по всему, песня была старая, поэтому «колобок» только пожал плечами и с видом человека, который давно привык и устал отбредиваться, заявил:

– Тебе блеск нужен или работа?

– Работа.

– А работу никто лучше меня, старого еврея, не сделает. Так?

– За что тебя и ценю...

За окном заработал отбойный молоток. Хозяин кабинета успел одуреть от этого звука, сравнимого по зловредности только с ядовитым шипением бормашины. Прямо за окнами турецкие рабочие сноровисто превращали очередной московский памятник архитектуры девятнадцатого века в безвкусную стеклянно-бетонную упаковку для офисов.

– Теперь надо с Новосибирским институтом выйти на контакт, – деловито продолжил хозяин кабинета. – Разработка там перспективная есть. Англичане заинтересовались... В Обнинске – масса амбиций. Академики, доктора. Толку ноль... Галустян...

– Триумвират, – хмыкнул «колобок». – Гении доморощенные.

– Да уж... Не знаю, что и делать... Ты веришь в эти их фантазии?

– Галустян и команда – люди талантливые.

– Если такие умные, почему такие бедные, как говорят американцы?

– Талант и нищета в России – близнецы-братья. Мы, посредственности, за их счет богатеем, – изрек поучительно «колобок».

– Среди этих талантов больше психов, которые выдают неконструктивный бред за откровения свыше... И поди разберись, что стоит денег, а что только нервов... Боюсь, с группой Галустяна такая же история... Я не особо верю в мгновенные революции в науке и ниспровержение основ...

– Значит, не веришь в теорию относительности и квантовую механику? – глаза «колобка» смеялись. Эти дискуссии они вели уже не первый год. – И в геном человека?

– Верю... Было время, клады лежали под ногами. Стоило только увидеть их и нагнуться. Сейчас в мировой науке идет поступательное, неторопливое движение вперед, крайне материально затратное и вовсе не чреватое незапланированными прорывами... Плавно все должно быть. Пристойно. Без суеты. А Галустян со товарищами намереваются немножко растряссти основы...

– Но результаты есть. Экспериментальные...

– А кто их проверял?... Ох, чувствую, влетит нам эта программа в копеечку... Не люблю сотрясателей основ. Они чаще сотрясают воздух впустую.

– А нам-то чего? – пожал плечами «колобок». – За погляд

денег не берут... А если это правда?

– Тогда мы поймаем жар-птицу... Опять мистика – жар-птицы, – скривился Николай Валентинович Кумаченко – хозяин кабинета, он же директор фонда «Третье тысячелетие».

Фонд этот был создан стараниями Академии наук и Министерства экономики с целью собрать перспективные идеи, дать им импульс в развитии, в худшем случае повыгоднее продать их на Запад. С внедрением получалось как всегда – то есть ничего не получалось. А вот с продажей на Запад перспективных идей и технологий шло гораздо лучше. Благо отдавали дешево, так что от желающих отбоя не было. При этом торг шел по российской арифметике – бакс пишем, два в уме. Того, что в уме, хватало на подкорм нужных людей и в Академии наук, и в Минэкономике, а потому фондом все были довольны. В том числе голодные ученые – генераторы этих самых идей, которым каждый бакс – счастье.

– Галустян – не сумасшедший романтик. Он прагматичен, – отозвался «колобок», точнее Семен Иосифович Богучарский, заместитель Кумаченко, его правая рука, левая нога и заодно голова. – И умеет соблюдать секретность. Ядро процесса, на котором и основано ноу-хау, не знает никто, кроме его группы. Свой интерес он блюдет...

– Блюстителю, – скривился Кумаченко. – Он нам еще крови попьет...

Зазвонил мобильник. Богучарский зашарил по всем многочисленным карманам своей джинсовой безрукавки. Нако-

нец, извлек его из кармана брюк. Нажал на кнопку:

– Весь внимание...

По мере того как он выслушивал сообщение, лицо его бледнело и вытягивалось.

– Когда? Как? Какая-то несуразица... Да, понятно... Черт возьми, ну надо же... Пока, Коля. До встречи...

Он положил со стуком телефон на стол и вытер ладонью лысину.

– Что там? – заерзал в кресле Кумаченко.

– Не попьет нам Галустян крови...

– В смысле?

– Он мертв.

– Как мертв?

– Ночью покончил жизнь самоубийством. В записке написал, что устал...

– Устал? – Кумаченко нервно поправил свой роскошный бордовый галстук. – Черт! Я же говорил, он обычный сумасшедший! Как и его идеи!

* * *

Мир Рустама рухнул. Гордого чеченца грубо затолкали в холодный фургон – такие используют для перевозки мяса. Бросили на рифленый алюминиевый пол. Там крупногабаритный русский, настоящий буйвол, присев рядом с ним на колени, резко бросил:

– По ходу маршрута ты должен отзванивать?

Рустам ничего не ответил.

– Я спросил, – спокойно произнес «буйвол».

– Собак помойных спрашивай. Они тебе как брату ответят!

– Настрой ясен.

Железные пальцы стиснули Рустаму голову. А потом резкая боль в ухе.

Рустам задохнулся от боли. И заорал бы. Но челюсть ему стиснули, так что послышался только сдавленный крик.

По шее струилась кровь.

– Не скули, Рустам, – по-чеченски произнес резко, будто плетью хлестнул, второй присутствовавший здесь – жилистый, с холодными стальными глазами мужчина. – Это только мочка уха... Так и будем резать по кусочкам...

Ужас захлестнул Рустама... Все шло здесь неправильно. Резать головы и уши – это привилегия его братьев... Русские слишком слабы и чувствительны для такой работы.

В мозгу щелкало. Кто это? Кто посмел? Менты? ФСБ? Военные? Кто это, шайтан их всех забори?!

– Я повторяю – ты должен сделать отзвон?

– Должен, – выдавил Рустам.

И снова его стиснули в тисках. Нож коснулся другого уха...

– Будешь дальше врать?

Рустам не должен был сделать никаких отзвонов в пути.

Он уже сообщил, что товар получен. На крайний случай был предусмотрен звонок с кодовым словом – это значило, что все пошло наперекосяк. Его обязанность была сделать это, даже если придется пожертвовать жизнью...

Русские поняли это...

– К тебе еще немало вопросов, Рустам, – произнес жилистый. – Адреса, явки, планы – классический набор...

– Я ничего не знаю. Мне сказали отдать деньги, взять чемодан. Привезти...

– На вокзал, да?.. Или в общественный сортир на Пресне?..

– Смешно, да? – опять начал хорохориться Рустам. – В центр города должен подвезти. Там у меня возьмут. Я ни при чем...

– Рустам... Я тебе гарантирую одно. Ты скажешь нам все, – пообещал «буйвол». – Через полчаса...

Рустам криво улыбнулся. Он не собирался говорить ничего. Сердце ухало в предчувствии страшного. Но он должен был держаться... Должен... Он не может опозорить себя. Своих братьев. Свой род! Должен...

– Отдохни пока...

Рустам пошевелил закованными в наручники руками. Разомкнуть бы их, ударом выбить дух из здоровяка, распахнуть дверцу фургона... Но это нереально...

Ему очень не понравились слова «отдохни пока»...

– Куда везете? Куда? – заволновался он.

Но ему не отвечали...

А потом кошмар продолжился. Гордого чеченца вытолкали из машины, как какую-то недостаточно поворотливую скотину. И затолкали в длинную фуру с иностранными надписями на боках. Захлопнулась дверца, отрезая солнечный свет и внешние шумы. Зажглась электрическая лампочка. Внутри было просторно, гулко и жутко. В центре стояло кресло.

От вида этого кресла решимость Рустама сразу ухнула куда-то в центр Земли, в магму, да там и сгорела.

Кресло было хирургическое, с ремнями. Рядом, как в старых фильмах о фашистах, столик с инструментами.

Здесь к тем двоим русским, которые сопровождали его в фургоне, присоединился невысокий, немножко сутулый человек с тщательно зализанными на пробор жиденькими волосенками. Рустам скривился. Даже в своем незавидном положении он не мог скрыть презрения к таким вот червякам, которых можно навсегда задавить одним взглядом. В них нет ничего от настоящих мужчин, кроме привычки носить брюки.

– Рустам, – произнес «буйвол» – он же руководитель операции, оперативник «Пирамиды» Русич, он же бывший капитан ВДВ Влад Абросимов. – Я буду говорить коротко и доходчиво. Выбор остается за тобой, но он невелик. Первый вариант – ты сотрудничаешь с нами, помогаешь нам разрешить проблему. За это мы оставляем тебе жизнь...

– Можешь хоть сейчас меня убить, – сквозь зубы процедил Рустам.

– Это второй вариант. Ты отказываешься от сотрудничества. Тогда Эскулап, – он кивнул на «червяка», который вежливо улыбнулся, будто его представили на светском рауте, – с помощью нехитрых инструментов и хитрых психотропных веществ – слышал, небось, о таких – выдавливают из тебя по капле все. И ты умираешь. В мучениях...

Глаза чеченца полыхали ненавистью и упрямством.

– Я тебя понимаю. Ты боишься не за себя, а за своих близких... Поэтому учти, что вместе с тобой сегодня же в могилу ты потащишь сестру и отца, которые живут в Подольске.

Рустам дернулся, изрыгая нечто нечленораздельное, но ремни крепко удерживали его. Это было нечестно! Русские так не могут!

– У нас специфическая организация, – продолжил Влад. – Ее авторитет основан на том, что мы всегда держим обещания... Мы зачистим всех твоих родственников, которых только найдем. И ты с ними свидишься в мусульманском аду. В рай тебе не попасть. Тебя скормят свиньям, а косточки похоронят в свиной шкуре...

– Ты... Ты грязная скотина... Я на руку намотаю твои кишки, собака...

– Эмоционально, но не убедительно... Даю тебе три минуты на раздумье. – Влад посмотрел на часы. – Потом отдам тебя в руки Эскулапа.

– Ты... Я вырежу всех твоих...

– Время пошло...

В Чечне Рустам привык жить рядом со смертью. Он очень много видел смертей, убийств. Гибли люди от бомбежек, от межплеменной вражды. От солдат федеральных войск. Убивали его братьев и сестер. Он сам убивал... Это было нормально... Он готов был убивать и умирать... Так ему тогда казалось...

Сейчас ему казалось иначе. Он понял, что умирать именно сейчас и именно здесь совсем не готов. Тем более вместе со своими родными... Он боялся смерти. Он хотел жить...

Когда время истекло, он пробормотал:

– Мы все равно сочтемся, собака...

– Итак, ты согласен, – констатировал Влад.

– Что хочешь знать?

– Начинай сначала...

Рустам поплыл. Биополевой стресс-детектор, который был смонтирован на передвижном оперативном пункте, устроенном в самой обычной на вид фуре, сбрасывал на компьютер диаграммы, и специалист за перегородкой подтверждал – Рустам говорит правду...

Картина получалась следующая. Рустам, немало потрудившийся на благо чеченских террористов, неоднократно снабжал группировки оружием, снаряжением и всем необходимым. Дело было прибыльное. Работал, в основном, по конкретным заказам. На этот раз очень серьезные люди ему за-

казали партию радиоизотопов. Правда, изотопов не простых. Это было одно из старательно оберегаемых ноу-хау ядерного центра в «Вьюжанске-11». Группа высокоактивных трансформеров, как коряво обозвали их. Вещества безобидные, но путем нехитрой обработки переходящие в активное состояние. По всем научным парадигмам такие изотопы вообще в природе существовать не могут. Но факт остается фактом – НПО «Сигнал», держащее две трети производства радиоизотопов в стране, в прошлом году создало это чудо. Одно из его применений – в качестве оружия массового поражения. При распылении над мегаполисом последствия могут быть самые страшные. Попадая в тело жертвы, эти изотопы практически не выводятся и работают как бомба, разрушая организм радиоактивностью. Рак легких, лейкемия, лучевая болезнь... И все в массовых масштабах... Идеальное орудие для теракта.

– Откуда ты узнал, где взять эту дрянь? – осведомился Влад.

– Я одно время занимался рынком изотопов, – пояснил Рустам.

– Вместе с Мирзоевым? – Влад вспомнил давнее кровавое дельце.

– Да.

Задача Рустама состояла в том, чтобы добыть оружие возмездия. Дальше – не его забота. Планировалось, кажется, что-то грандиозное.

– У нас нет танков и самолетов, – прошипел Рустам. – У нас есть воля к победе. И все средства для этого годятся...

– Давай дальше, философ...

А дальше все просто. Проходит купля-продажа изотопа. Рустам в Москве передает товар и отчаливает на все четыре стороны.

– Кто все это затеял? – спросил Влад. – Кто получатель?

– Он тебе не по зубам, – буркнул пленник.

– Хотя бы облизнуться.

– Анзоров.

– Тот самый? Депутат законодательного собрания?

– Да...

– Уже интереснее. – Влад хмыкнул. Как же. Личность известная. Депутат Доку Анзоров, Председатель правления банка «Спектр-интернациональ», а также совладелец парочки гостиниц и пивного заводика в Москве. – А дальше? Кто исполнитель теракта?

– Не знаю...

– У нас договор, Рустам...

– Я не знаю!

– Врет, – послышалось у Русича в крошечном наушнике. – Все показатели зашкаливают. Похоже, очень тепло...

Русич опять посмотрел на часы и произнес:

– Игра старая – тридцать секунд на выбор.

– Рамазан Даудов.

– Правая рука Колченогого Абдулмуслимова.

– Да... Его боевые группы рассредоточены по всей Москве.

– Кто с ними держит связь?

– Сам Анзоров.

В трейлере было тоже холодно. Но еще больший холод терзал Рустама изнутри. Зубы постукивали. Сотрясала дрожь. Он ежился. Наручники сзади тоже охладили, перекрывали ток крови. Но больше всего охладила мысль, что он предает всех.

– Куда ты должен отвезти товар?

– За Ногинском частный дом.

– Кто приедет за ним?

– Анзоров пришлет кого-нибудь, чтобы убедиться в наличии товара...

– С деньгами?

– Да...

– Кто в доме?

– Обычно пара его людей, отлеживающихся после работы в Чечне.

Когда почти все было сказано, Рустам вдруг испытал странное облегчение. Ему вдруг подумалось, что предавать не только страшно, но и приятно. Будто разом расплачиваешься со всеми долгами, которые наделал за свою жизнь.

– Они твоих подручных знают? – спросил Влад.

– Одного-другого видели в лицо, – ответил Рустам.

– Ну что ж... Придется тебе еще немного нам помочь...

«Хомо компьютерикус» – новый вид человека, рожденный щедрым на научно-технические и социальные революции двадцатым веком. По замыслу он должны быть молодым, тощим, бледным, с красными глазами и сутки напролет проводить перед монитором, скользя по запутанным, с развязками, заторами, пробками трассам Интернета. Внешний мир, еда, женщины его интересоваться не должны. Все это дурная трата времени. Программы, файлы, сайты, вирусы и антивирусы, базы данных – именно в этом настоящая жизнь. Именно тут истинная реальность.

Из подобных качеств Леша Бруевич обладал, пожалуй, только молодостью, да и то уже не первой. Было ему двадцать семь лет. Крупный, с уже нагулянным жирком и румяным круглым лицом, любитель пива, женщин и горных лыж, накрепко сцепленный с землей, он тем не менее был человеком-компьютером. Во всемирной паутине ощущал себя как рыба в воде, или, скорее, акула в океане. Мог без проблем хакнуть защищенный сайт. Языки программирования знал лучше, чем русский. И вполне мог бы сделать карьеру и стать высокооплачиваемым программистом. Сделал бы, и стал бы, если бы его интересовали деньги. Точнее, деньги его интересовали, но не настолько, чтобы жертвовать ради них душевным спокойствием и ощущением значимости своего места

во Вселенной. А эту значимость он ощущал, когда вторгался в неизвестные, нехоженые края, где не ступала еще нога ученого. Поэтому, работая с Галустьяном над проектом, названном с претензией – «Атлант», он был счастлив. Потому что то, чем они занимались, было смело. Это было круто. И до этого не допер никто в мире.

Да, там был полет! Там открывались такие горизонты!.. Но в последнее время Бруевичу иногда становилось жутковато. Слишком далеко они зашли. Химические процессы, которым они дали жизнь, все больше напоминали алхимию. Они вторглись в совершенно неизведанные земли, где легко оступиться и провалиться в топь. И еще там могли поджидать хищники...

Впрочем, голову ломать над вечными проблемами не было никакого желания. Бруевич устал. Ему как воздух нужна была капитальная расслабуха. Он давно мечтал о горячей баньке, холодном пиве и теплом женском теле. Все это нашлось у его институтского приятеля Ромы, имевшего уютный домишко в Замяткове, что в двухстах километрах от столицы.

Дом располагался на окраине поселка городского типа, которому не суждено в обозримом будущем получить статус паршивенького городка. Деревянное строение под грузом прожитых лет немного покосилось, дряхлую мебель изъел жадный червь. Зато банька была отличная.

– Шею сильнее массируй, солнце мое, – проурчал, жму-

рять от удовольствия, Бруевич, разлегшись на лавке в предбаннике.

Тонкие женские пальцы, оказавшиеся на удивление сильными, массировали мышцы и вызывали истому.

Девки были местные, молодые, развратные и по московским меркам удивительно дешевые. За тысячу рублей, пиво, водку и закуску они уже второй день скрашивали одиночество двоих институтских друзей, утомленных московской суетой. При этом девки считали, что им подвалило просто немыслимое счастье, потому что деньги в Замяткове уже несколько лет являлись редкостью и роскошью. Фабрика и два совхоза дышали на ладан, и заняться в этих местах было нечем.

– Я устала, – капризно произнесла Натаха, встряхивая руками. – Замандавалась вся.

В выражениях она не стеснялась, и Бруевич имел счастливую возможность слегонца пополнить свой запас нецензурных и ругательных слов.

– Ничего, – сказал он. – Еще чуток поработай. Потом пивком поправимся.

Это обещание воодушевило девушку, и она начала мять спину клиента с новой энергией.

– Развлекаетесь, – констатировал худосочный, с глазами профессионального мошенника, вечно улыбающийся Рома, зайдя в предбанник.

– Балдеем, – кивнул Бруевич.

– Мы уже потрахались, – незатейливо проинформировала Наташка. – А где Нинка?

– За пивом уснул. А у меня чего-то машина барахлит.

– Какая? – хмыкнул Бруевич.

– Та, что на колесах. А ты что подумал? С этим все ништяк.

– Это радует, Рома...

– Полезу под железяку, – вздохнул хозяин фазенды.

– И охота? – удивился Бруевич.

– Завтра не заведется. – Ромка вышел. Дверь со скрипом закрылась. И Бруевич снова расслабился под сильными пальчиками массажистки...

Так бы лежал и лежал... Хорошо... Но хорошо не бывает долго.

Затренькал мобильник.

– Кто там? – растягивая слова, произнес он.

– Это Панин.

– Здорово. – Бруевич закричал, как старый дед, и приподнялся на лавке, по ходу легонько шлепнув Наташку по округлому заду. – Палыч, если бы ты только знал, от чего меня отрывает...

– Плохи дела, Алешенька.

– Что случилось? – встревожился Бруевич, вдруг поняв, что голос у третьего члена их научной группы доктора математических наук Панина потерянный.

– Галустян...

– Что Галустян?

– Он умер.

– В смысле?

– Он умер. Погиб. Покончил жизнь самоубийством. Наглотался снотворных таблеток. Достаточно?

– Так, Палыч. Успокойся и не кипятись... Ерунда какая-то. Как Галустян мог покончить жизнь самоубийством? Сейчас, когда все на мази?

– У него спроси! – По голосу Панина ощущалось, что в его душе трепетала, как птица в клетке, пытавшаяся вырваться на простор истерика.

– Так... Успокойся... Успокойся, – как заклинание повторял Бруевич. В предбаннике было жарко. Но в груди возник сквознячок. Холодный такой сквознячок, от которого замерзает сердце. – Я сейчас собираюсь и еду... И мы что-нибудь придумаем.

– Что мы можем придумать?

– Так. Успокойся, – то ли себе, то ли собеседнику сказал Бруевич. Дал отбой. И присел на лавке, замерев и тупо уставившись в дощатую стену, на которой был зачем-то накрепко прибит барометр.

Девушка настороженно погладила его по плечу.

– Ну, котик, чего случилось?

Он не ответил.

– Чего киснешь, красавец?.. Ох, какой хмурый. Сейчас мы тебя успокоим. – Она потерлась голой грудью о его плечо.

– Извини... У меня... У меня друг умер.

– Как умер?

– Отравился... Или отравили...

– Отравили?! – изумленно ставилась на него девушка.

– Да... Но это начало. Всех нас перебьют... Я как чувствовал...

Он начал одеваться.

– Надо ехать... Надо...

Девушка смотрела на него, как на психа...

– Извини, крошка, – застегнув рубашку, кинул он ей. –

Пока.

Он вышел из бани, согнувшись от удара мокрого снега. С утра зарядил этот снег, будь он неладен. И тучи – низкие, давящие. Куда подевалось вчерашнее солнце?

* * *

– Люблю огонь, – сидящий на корточках молодой, плечистый чеченец с наивным дурашливым лицом ткнул кочергой в уютно потрескивающие в камине поленья. – В горах огонь – тепло, хорошо... И редко.

– Почему редко? – спросил Влад, комфортабельно устроившийся в плетеном кресле с мягкими подушками.

– Огонь – нельзя. Самолет прилетит. Вертолет прилетит. Снайпер ударит... В спальный мешок спишь. Там хорошо. Тепло. Но огонь лучше.

– Долго воевал?

– С тринадцати лет. Отец воевал... Я воевал. А ты?

– Пришлось маленько.

– За кого воевал?

– За всех, – хмыкнул Русич.

– За всех – это правильно. Дураки воюют просто так. Умный воюет за деньги. Нет денег – нет война.

– Хорошо хоть платили? – поинтересовался Влад.

– За работу. БТР убил – платят много. Солдат убил – платят так себе. Офицер убил – платят нормально. Война. Выгодно.

– Это верно...

– Рустам хорошо тебе платит? – как бы невзначай бросил молодой чеченец.

– Иногда неплохо... Чаше – так себе.

– Рустам жадный... Ты сильный. В тебе воин виден. Сейчас мы с братом отлежимся, тогда поехали с нами Чечня.

– В горах воевать?

– Зачем в горах? Кто сейчас в горах воюет? Дома живешь. Хорошо кушаешь. Днем спишь. Ночью свиной режешь...

– Свиной?

– Которые в военной форме...

– И много заработать можно?

– Как работать будешь. – В голосе молодого чеченца зазвучали зазывные нотки – как в рекламе памперсов. – Ты воин. Мину, фугас класть можешь. Стрелять умеешь. Кро-

ме того, ты русский, в форму тебя оденешь – от солдата не отличишь. Не то что мы... Денег много получишь. Богатый будешь.

– Денег... Каких? Фальшивых?

– Зачем фальшивых? Имам Абдулмуслимов получил от правоверных из Аравии мало-мало много денег.

– Значит, фугасы класть, – усмехнулся Влад.

– Не просто фугас класть. Фугас мальчишка положит...
Специальная операция! – многозначительно произнес молодой чеченец важное слово.

– Почти уговорил...

– Рустам мало-мало платит. Абдулмуслимов щедрый. И никогда фальшивый доллар не дает. Его за это уважают. Кого хочешь спроси.

– Спрошу...

Чеченец удовлетворенно крякнул, решив, что доброе начало важному делу положено. Заполучить такого бойца – здорового, с кошачьей грацией в движениях, выдающей человека серьезной подготовки – это ли не удача! И еще приятно подложить свинью Рустаму, которого не любят за жадность, хитрость и пренебрежение обычаями.

– Скоро они там? – Влад посмотрел на часы.

– Приедут. – Молодой чеченец снова принялся ворошить угли. – Сиди. Чай пей. Разве плохо?

Проникнуть на чеченскую базу в Ногинском районе удалось без труда. Рустаму стоило только бросить негромко и

властно:

– Это свои.

И металлические ворота отворились.

Место для двухэтажного кирпичного дома было выбрано с таким расчетом, чтобы не мозолить людям глаза и в случае опасности иметь путь отступления к раскинувшемуся на многие километры лесу, перемежаемому болотами. В поселке в это время было совсем немного жителей. Дымились трубы в парочке домов, горело несколько окон. В основном домишки были бревенчатые, убогие. На пригорке виднелась полуразрушенная церковь с обломанной, как карандаш, колокольней. Над ней вились вороны.

«Газель» Влад велел загнать за ворота. Трофейный зеленый триста восемнадцатый «БМВ» оставили на раскисшей дороге. Он одним колесом утопал в огромной луже, из которой поднималась вросшая в землю тракторная шина, как спина допотопного чудища из озера Лох-Несс.

В доме, как и обещал Рустам, отлеживались, зализывали раны двое чеченских боевиков. Чувствовали они себя здесь вольготно. Видимо, были уверены, что милиция сюда не сунется, поэтому без всяких задних мыслей на виду держали два автомата Калашникова.

Гостей боевики встретили сначала с настороженностью. Но после звонка Анзорова, который подтвердил, что гости вполне заслуживают хорошего отношения, горцы расслабились и подобрали. Друзей хозяина надо уважать.

– Телевизор хочешь смотреть? – спросил молодой чеченец у Влада, к которому проникся теплыми чувствами, как к начинающему клевать на щедрые посулы объекту вербовки. – Тарелка от спутника есть. Сто программ берет!

– С комфортом устроились.

– Да... Чечня – электричество мало. Все плохо. Здесь хорошо.

Чеченец загрустил. Но ненадолго. Его посетила показавшаяся ему весьма удачной идея.

– Кассеты есть. Порнуха есть.

– Не стоит, – отмахнулся Влад.

– Зря. Хорошая порнуха... Такие девушки... Что, думаешь я не знаю, как с девушками туда-сюда, да! – вдруг воскликнул молодой чеченец горячо. – Помню, одну в зиндан держали. У нее отец богатый такой, да. Крутой такой... Армянин... Или еврей... Из Москвы ее везли... Ах, какая была... Ох, какая кожа... Ох, как я с ней...

– Блондинка?

– Да нет, рыжая такая. Но не важно... Жалко даже ее было.

– Почему жалко?

– Что-то там не получилось. Базар-мазар с ее отцом не пошел... В общем, пришлось ее стрелять. Я и стрелял... Раз – и все. Перед видеокамерой... Но хорошая была...

– Да. Бывает, – равнодушно произнес Влад.

– Бизнес, – развел руками чеченец.

Казак, сидевший на кожаном диванчике в углу, хмуро

установился прямо в затылок молодого чеченца. Если бы боевик поймал этот тяжелый взор, то наверняка сейчас бы не чувствовал себя так комфортно. Так глядят, когда целятся перед контрольным выстрелом.

Через четверть часа послышались звуки автомобильных моторов.

– О, приехали. – Второй чеченец, низкорослый, с длинными руками, похожий на пастуха из высокогорного аула, появившегося на свет от порочной связи его матери со снежным человеком, бросился на улицу открывать ворота.

Влад выглянул в окно. В ворота въезжал «Мерседес» с темными тонированными стеклами. Черт возьми, бронированный... При определенном раскладе это может обернуться серьезными проблемами... «Джип-паджеро» цвета вишневого металлика, сопровождение с охраной, припарковался за воротами рядом с зеленым «БМВ».

Из соседней комнаты появился тучный оперативник, который недавно на шоссе столь убедительно сыграл роль старшины-гаишника. Он подталкивал в спину вялого, шаркающе передвигавшего ноги Рустама.

– Ну что, Рустам. Иди, встречай гостя, – кивнул Влад.

Теперь бы только чеченец не выкинул какой-нибудь фокус. На этот счет Влад подстраховался. Перед отъездом на базу Рустама оглушили, накормив приличной дозой психотропных веществ, которые напрочь отбивают стремление к импульсивным поступкам. И все же стопроцентной гаран-

тии, что объект будет действовать по плану, не было. Слишком мало времени с ним работали.

Комитет по торжественной встрече в составе Рустама, Влада и Казака выстроился во дворе.

Бугай в черном костюме, как из рекламы телохранителей, в черных очках (даром, что солнце уже село за лес), выскочил из машины и услужливо распахнул заднюю дверь. Из салона степенно, неторопливо выбрался высокий статный чеченец и ступил на гравий дорожки.

Сердце Влада радостно екнуло. Повезло так повезло! Это как раз тот, кто нужен – депутат Анзоров! Собственной персоной пожаловал. Никому не доверил! И не в лом было на ночь глядя переться сюда!

Рустам шагнул навстречу Анзорову. Они обнялись, как два молочных брата после долгой разлуки.

Рустам напрягся. И Влад совершенно четко понял, что сейчас горец что-то ляпнет, выходящее за рамки дипломатического протокола.

Русич был готов к любому варианту развития событий. Он не обдумывал решение. Оно пришло само! Накопившаяся в Владе энергия нашла выход! Он резко вдавил кнопку рации, прикрепленную к запястью... И начал движение.

Он мчался, как ураган, сметая все на своем пути. Походя сшиб с ног чеченца-пастуха – тот даже и не пикнул, рухнув, как подкошенный. Рубанул ногой по горлу телохранителю в черном, кажется, отправив его в путешествие к самому

Аль-Ваххабу и райским гуриям. Продолжая движение, сделал подсечку оторопевшему и никак не ожидавшему нападения депутату и отключил его щадящим ударом в голову.

Казак выстрелил из бесшумного пистолета в грудь телохранителя, неосмотрительно высунувшегося из «Мерседеса» с короткоствольным пистолетом-пулеметом «Скорпион».

У личного водителя депутата реакция была выше всяких похвал. Он резко повернул ключ в замке зажигания. Машина завелась сразу, как и положено «Мерседесу», и не к месту уютно заурчала мотором. Что будет дальше – спрогнозировать не так трудно. Бронированное четырехколесное чудище снесет задним ходом ворота к чертям собачим. И вырвется на оперативный простор. И пули от него будут отскакивать, как горошины от слоновьей шкуры.

Влад стремительно преодолел расстояние, отделявшее его от машины. Рывком выдернул скрючившееся тело убитого телохранителя. И повалился внутрь, на мягкие лайковые сидения.

Водитель – квадратный, со сросшимися бровями и тяжелой челюстью, резко повернулся к Владу боком. Он был вооружен. И вороненый ствол уже почти завершил свое неумолимое движение, готовясь выплюнуть свинцовую примочку в свою цель. Оставалось только надавить пальцем на спусковой крючок.

Влад аккуратно, казалось, неторопливо отвел руку с пи-

столетом. Ухнул выстрел. Пуля пробила панель красного дерева. Следующего выстрела не прозвучало. Влад перехватил пистолет, дугообразным движением провернул его, ломая противнику пальцы. Отшвырнул тяжелую и опасную игрушку в сторону. Потом ласково и мягко захватил квадратного за шею. Она была мускулистая, железная. Но никакие мускулы здесь не помогут. Вот биоактивная точка. Надавить на нее...

Водитель дернулся, ему не хватало воздуха. Потом на него навалилась тьма...

Бронированный «мерс» так и не стронулся с места.

Машину сопровождения снаружи упаковали тоже быстро. Оперативники, выскочившие из «БМВ», поставили под стволы и вытряхнули из салона вовсе не спешащих умирать телохранителей.

Влад перевел дыхание. Весы непостоянного бога войны снова качнулись в его сторону. Потерь у группы нет. У противника – два трупа. Чистая победа...

Пленных разложили в ряд в большой комнате. Там же на ковер лег портфель, наполненный пачками долларов – плата Рустаму за изотопы. Казак подошел к распластанному любителю рыжих девушек и порнухи, схватил его за волосы, заставил подняться. Чеченец смотрел на него, как зверь, которого ведут на убой – животный ужас и мольба о пощаде во взоре. Он встретился с глазами Казака, и ему все стало ясно.

– Не хочу... Не делай, – пробормотал молодой чеченец.

Казак молниеносно выдернул из чехла на рукаве нож и полоснул боевика по горлу. Отскочил в сторону, чтобы не испачкаться в крови. Все произошло настолько быстро, что никто даже голоса не успел подать.

– Война, – недобро усмехнулся Казак. – Бизнес...

Влад неодобрительно посмотрел на своего помощника, но ничего ему не сказал. Взял рацию.

– Объект взят. Группа два, три – для зачистки территории. И эвакуации... как поняли?

– Принято...

– Ждем.

* * *

Машина у Ромы, видимо, решила объявить забастовку. На все попытки завести двигатель выдавшая виды и знававшая лучшие времена двадцать четвертая «Волга» отвечала каким-то ехидным жужжанием. Двигатель не желал заводиться. Рома копался в моторе, прикрикивая на белокурую шалаву, имевшую внешность невинной курсистки Императорского института благородных девиц:

– Ключ дай! Да не этот, а тот!

Увидев идущего от бани Бруевича, он озадаченно посмотрел на него.

– Ты куда?

– Машина на приколе?

– Встала! Упрямая, сволочь!

– Мне в Москву надо. – Голос у Бруевича был какой-то жестяной.

– Э, Леха, чего с тобой? Тебя что, Наташка укусила?

– Галустян, мой шеф, умер.

– Да иди ты! Как?!

– Мутно все это, – пробормотал Бруевич. – Я так и думал...

– О чем ты думал?

– Упаси господи, если я прав, Рома!

– Может, подождешь... Завтра поедем... Все равно ты уже ничем горю не поможешь.

В словах Ромы был какой-то резон. Вечером тащиться в Москву. Зачем? Успокаивать скорбящих родственников? Но Бруевич чувствовал, что так надо. Он еще не знал, почему, но был уверен, что оставаться здесь ему нельзя... Никак нельзя!

– Мне надо ехать, – твердо произнес он.

– Да подожди хоть полчаса, – попросил Рома. – Может еще почию мустанга. Живо до станции доскочим.

– Нет, надо ехать, – как заведенный повторил Бруевич.

Он прошел в дом. Натянул толстый вязаный свитер. Застигнул на молнию кожаную куртку с меховой подкладкой. Закинул на плечо ремень сумки.

Уже выходя за ворота, вспомнил, что забыл бритву с лезвиями, зубную щетку. Ну и черт с ними. Возвращаться – пло-

хая примета... Хотя куда уже хуже...

Народу у остановки набралось много. Автобусы ходили раз в два часа, а желающих покататься на них за это время набиралось предостаточно. Щетинистые красномордые мужички с мозолистыми руками. Бабки с неизменными сумками на колесах, которые, судя по всему, всем бабкам раздают где-то централизованно, и ведром с огурцами. Размалеванные сверх всякой меры девицы, озабоченные и решительные, видимо, твердо решившие погулять в этот вечер на полную катушку. Бруевичу вдруг стало тоскливо. Тревожно защемило в груди. Он ощутил жуткое одиночество. А вокруг бесполезные люди совершают бесполезные броуновские движения, перетирая без всякой цели день за днем...

Через десять минут подкатил желтый «Пазик», заляпанный грязью и мокрым снегом.

– А ну наддай! – азартно и грубо орали пассажиры, втискивая свои тела в узкие двери.

Бруевичу ничего не оставалось, как тоже заняться этим видом спорта. Иначе придется больше часа топать до вокзала пешком.

Когда он протиснулся в салон, что-то заставило его глянуть в окно. Взгляд упал на желтую машину – кажется, «Рено», пристроившуюся в хвост автобусу. Для этих мест транспортное средство чересчур шикарное.

Из надсадного рева и жуткого скрежета механизмов напрашивался неутешительный вывод, что автобус вот-вот

развалится, погребя под своими обломками пассажиров. Но он достаточно бодро катил по колдобинам и ямам, останавливаясь через каждые сто метров то на остановках, то по просьбам пассажиров. С горем пополам это антикварное чудо техники добралось до вокзальчика.

– Спишь, да? – Бруевича вывел из оцепенения толчок в спину.

Он спрыгнул со ступеней на асфальт, освобождая проход. Толпа из автобуса обтекла его и устремилась вперед к вокзалу. А он замер на месте.

Им продолжало владеть ощущение какой-то ирреальности происходящего. Дело даже не в том, что Галустьян мертв – человек смертен, и внезапно смертен. Дело в том, что он не мог покончить жизнь самоубийством. А если это не самоубийство, то привычный мир, в котором нашел свой теплый уголок Бруевич, рушится на глазах. И реализуются самые потаенные кошмары. И получается, что за его жизнь теперь и ломаный грош – много.

Бруевич сдержался, чтобы не застонать. Подбросил сползающую сумку на плече. И согнувшись, направился вперед. В голове вертелись, как по кругу, мысли – сон, кошмар, не может быть, так и есть. Глаз непроизвольно скользил по асфальту, следуя изгибу пересекающих его трещин. В голову вдруг полезло, что эти трещины наверняка несут в себе скрытый смысл. В них язык взаимоотношений хаоса и гармонии. Конфликт залитого бетоном ровного и совершенного

в своей завершенности пространства и сил разрушения, желающих нарушить порядок вещей... Стоп, оборвал он себя. Совсем не туда понесло. Так и до канатчиковой дачи недалеко.

Бруевич распрямился. Встряхнул головой. Обозвал себя психом... Мысленно приказал себе собраться... Впрочем, без особого успеха.

В небольшом здании вокзала, выкрашенном в веселенький, как молодая трава, зеленый цвет, Бруевич направился к окошку кассы. Протянул деньги. Получил билет. Посмотрел на расписание. Электричка отходила через двадцать минут – в полпятого.

Эти заученные, миллион раз повторенные действия вернули его на грешную землю. Он вышел из странного состояния полутранса. Чувства обострились. И, наконец, пришел страх. Холодный обыкновенный страх. Страх за свою шкуру и перед неопределенностью. Он таился в нем уже давно, когда программист просчитал все варианты. Он не верил в свои худшие опасения. Но все пошло по самому дрянному варианту.

Бруевич пошатался по тесному зданию вокзальчика, где с комфортом обустроилась многочисленная семья таджикских цыган. Трехлетний – не больше – цыганенок начал терзать рукав программиста, жалобно попискивая:

– Дай! Есть хочу! Дай!

Бруевич отпрянул от ребенка, как от прокаженного. Нер-

вы ни к черту!

Он направился к газетному киоску рядом с кассами. Купил сборник кроссвордов и пару номеров «Столичного метрополиса», в красках и пикантных подробностях повествующего о жизни и падении звезд и примкнувших к ним тусовщиков. В буфете рядом приобрел две бутылки «Тверского» пива. Нашел место подальше от цыган – в самом углу зала. Отсюда через замызганное окно открывался вид на унылую привокзальную площадь.

Бруевич распечатал ключом от квартиры бутылку. Припал к горлышку. Потом уставился в окно...

Бруевич издал слабое нечленораздельное восклицание, увидев ту самую желтую машину. «Рено» или «Шкода». Черт разберет! Она пристроилась между мотоциклом «Урал» и грузовиком-пятитонкой на стоянке перед зданием вокзала.

«Тьфу, вот чокнутый, – мысленно обругал себя Бруевич. – Мания преследования. Так скоро в каждом человеке будем видеть врага. Да, это та самая желтая машина, которая ехала за автобусом. Ну и что? А куда еще машине ехать, как не на вокзал? Все пути в городишке этом сходятся на макаронной фабрике, совхозе и вокзале!»

Он сделал усилие, пытаясь выбросить глупости из головы. На время ему это удалось...

Электричка опоздала всего на пять минут. Народу там было немало, но сидячие места имелись. Бруевич с удовольствием занял место у окошка. И принялся за чтение газеты

и уничтожения содержимого второй бутылки.

В вагоне пахло луком и чем-то кислым. У выхода расположилась шумная молодежная компания. Ребята и девчонки матерились, играли в карты. Бруевич ощутил себя неуютно. Поежился. Мнимые страхи уступили место реальным. Компания додавит еще бутылку-другую бормотени и начнется битие морд.

Правда, ехать недолго, каких-то минут сорок. За это время до мордобоя может и не дойти.

Ветка эта дурацкая к Москве не шла. Добраться до столицы можно было только пересев на станции Раздольное на другую электричку. Пьяная компания вывалилась из вагона ко всеобщей радости за две остановки до Раздольного.

Когда он попадал в реальный грубый мир, то в очередной раз убеждался в его непроходимом убожестве. Галустян вот совсем другого склада был. Везде как рыба в воде – и в дружеской компании, и в темной подворотне, когда нужно набить морду паре хулиганов, и за компьютером. А математик Панин, наоборот, существо совершенно воздушное, его земля не притягивает, а если притягивает, то бьет по пяткам больно. Он вообще не приспособлен к жизни. А Бруевич в этой компании между ними – нечто среднее... Но Галустян мертв. Все-таки не удержала его земля, на которой он стоял обеими ногами – плотно и надежно. Ох, как плохо все...

Железнодорожные пути ветвились и ширились. На них застыли черные нефтяные цистерны, платформы с прикрытой

брезентом техникой. За окнами резко тормозящей электрички потянулись ангары и краснокирпичные цеха. Раздольное – узловая станция. Пересадка на Москву. Приехали.

Опять повторение вечной процедуры – просмотр расписания, ожидание поезда, который появится через полчаса.

Бруевич купил еще бутылку пива. Влил ее в себя. Потом жидкость бестактно попросилась наружу. Программист взял курс на ближайший туалет типа сортир.

Кинул пятирублевую монету старичку-боровичку, хмурому хранителю сортира, начальнику унитазов и писсуаров. Тот протянул ему чек – у него под рукой была целая картонная коробка, наполненная ими. Программист устремился внутрь. За умывальниками шли запутанные катакомбы с хаотично натыканными писсуарами, кабинками. Здесь было на удивление чисто...

Только выбрав приглянувшееся ему место и пристроившись около писсуара, Бруевич услышал тяжелые шаги. Скосил глаз. И похолодел.

В помещение зашел молодой парень с мясистым стриженным загривком.

Еще один шок – как обухом по голове. У Бруевича было отличное зрение. И прекрасная зрительная память. И он сразу вспомнил, где видел этого типа. В той самой желтой машине!

Программист поймал коснувшийся его мимолетный взгляд незнакомца. Угрожающий. Изучающий.

Сердце сжалось. Бруевич отвел глаза и напряженно уставился перед собой, старательно изучая белый, в серых потеках, кафель на стене. Амбал сделал шаг в его сторону.

Бруевич съежился. Спина казалась такой открытой, беззащитной. И он понял, что сейчас ее продырявит нож или пуля из пистолета...

* * *

Даже в подвале, будучи более чем в плачевной ситуации, Доку Анзоров умудрился сохранить свой лоск. Изрядно помятый костюм все равно сидел на нем как влитой. И на лице застыло выражение самоуверенности, брезгливости и угрозы. Тигр в клетке все равно остается тигром.

– Прошу объяснить мне, где я нахожусь, – произнес он спокойно, хотя видно было, что это требовало от него немалых усилий.

– Разве это важно? – поинтересовался Влад. – Важно, в каком положении вы находитесь.

Комната была тесная. Стулья привинчены к полу. Шуршала вода в ржавых трубах, стены были мокрые. Привести это помещение на «Базе-два» в приличное состояние ничего не стоило, однако опыт показывает, что именно в таких камерах лучше всего развязываются языки. Это помещение тем, кого занесло сюда не по своей воле, казалось тамбуром в могилу.

– По-моему, вы не бандиты, – произнес депутат сухо.

– Точно подмечено, – усмехнулся Влад. Ему вспомнился сентябрь девяносто пятого. В самом разгаре первая чеченская. Горы. Скоротечный бой. Пленный бригадный генерал Адам Анзоров – брат нынешнего депутата Доку Анзорова. Они чем-то похожи, но Адам был похлипче. В нем не было такой уверенной силы, проницательности, ума, одна только дикарская ярость... И дело тоже крутилось вокруг изотопов. С такими пристрастиями их семейке надо было посвятить жизнь ядерной физике.

– Я достаточно видел спецназов, чтобы узнать специфический почерк... Федеральное агентство госбезопасности? Управление по борьбе с бандитизмом? Да?.. Для государственной структуры вы ведете себя слишком опрометчиво.

– Это почему же?

– Вы считаете, что похищение депутата Госсовета сойдет с рук спецслужбе, какой бы крутой она ни была.

– Для этого необходимо, чтобы кто-то подал жалобу.

– Вы напали на мою охрану, вторглись в жилище и теперь угрожаете смертью? – В голосе депутата появилась насмешка – мол, видали мы такие разводки дешевые.

– Угрожаю? – удивился Влад. – Я дал повод для такого обвинения?

– Не кривляйтесь. Кто вы там – майор, подполковник?.. Вы думаете, что вернулся тридцать седьмой год?.. Времена те уже прошли. Безвозвратно...

– В каждом времени есть своя прелесть, Доку Бисланович... Вы ведь признаете только силу. Сегодня сила на нашей стороне...

– Ладно. Оставим этот глупый разговор. Вы обязаны уведомить о моем задержании Госсовет, моих родственников и адвоката. После установления личности вы обязаны меня отпустить. Откройте мое удостоверение. – Он кивнул на лежащую на столе бордовую книжечку.

– Вы всерьез считаете, что мы задержали вас, чтобы удостовериться в личности и потом отпустить?

– Вы сделаете это.

– Вы сами не верите в то, что говорите... Какое задержание? Какой арест? Мы взяли вас в плен, Доку Бисланович.

– Что? Кто вы?!

– Мы. – Влад усмехнулся.

Конечно, у него и в мыслях не было объяснять Анзорову, что такое «Пирамида». Незачем чеченцу знать, что у имперских спецслужб остался небольшой, но боеспособный наследник, давно пустившийся в свободное плавание, сбросивший с себя контроль всех ветвей власти и превратившийся в некий тайный Орден. В память о «Большой конторе» – КГБ СССР, эту подпольную организацию именовали еще «Малой конторой». В ее распоряжении оказались материальные средства и тщательно законспирированные структуры.

«Пирамида» осталась в России одним из последних серьезных игроков на арене, где ставкой служат стратегиче-

ские интересы, жизнь миллионов людей, выживание русско-го народа, некогда великого, а теперь загнанного в угол. «Пирамида» – это тот костыль, на который еще может опереться едва держащаяся на ногах, умирающая Держава. Правда, он прилично потрепан и ослаблен бесконечными войнами за место под солнцем, борьбой на свой страх и риск с террористами, «Синдикатом», спецслужбами Запада, мафией и собственными коллегами из госорганов. Но еще способен кое на что. Он ведет свою войну, где нет законов, где большая цель оправдывает любые средства. Иначе и быть не может, поскольку бойцы «Пирамиды», по существу, последние солдаты России на последнем рубеже.

– Давайте договоримся, – произнес Влад. – Спрашивать будем мы. А вы – отвечать. Для начала вы нам поведаете, зачем вам чемодан с изотопами.

– О чем вы говорите?! – искренне возмутился Анзоров.

– Рустам привез вам изотопы. Цель?

– Глупый разговор... Я не знаю, что наговорил Рустам. Он мой дальний родственник и иногда пользуется моим гостеприимством.

– Как и два террориста с оружием, что приютились в доме.

– О них я вообще ничего не знал. Этим домом пользуются многие мои родственники. И записан он на мою сестру. Что там творится – за это я ответственности не несу...

– Вы что, правда надеетесь, что мы будем брать согласие на привлечение вас к уголовной ответственности?

– А вы думаете по-другому?

– Я думаю, что если мы не найдем общий язык, то сначала порежем на куски тебя, сука позорная. – Влад подошел к депутату и взял пальцами его за горло. Анзоров попытался дернуться, но Русич надавил на болевую точку, и рука обвисла. – А потом твоего змееныша, который в Англии учится. Родственников. Всех под нож...

Он отпустил.

Чеченец перевел дыхание. И произнес глухо:

– Делай как хочешь! Ничего не узнаешь!

– Значит, согласия не получилось... Жаль.

Анзоров в ответ выругался по-чеченски.

Он привык, что с ним играют в поддавки. Что все наезды не страшны. Потому что даже если государственная контора наезжает по беспределу, всегда можно включить каналы, и зарвавшимся ребятам прикажут сдать назад. Но только он ошибался. Это была вовсе не контора. Точнее, не та контора...

Дальше разговор продолжался в комнате с хирургическим креслом. К теплой компании прибавился Эскулап.

– Сколько у нас времени? – спросил он, своими черными глазами разглядывая депутата, чьи запястья были прикованы к креслу.

В глазах чеченца застыла тяжелым камнем ненависть. И упрямство. Депутат ожидал самого худшего. И был готов к нему. Он был готов умереть, в отличие от Рустама. Доку Ан-

Зорова знали как человека стального, нестигаемого... Но Эскулап смотрел на него с пониманием, мудро. Он знал, что не бывает нестигаемых людей. Весь вопрос только в количестве затраченных усилий. Стального человека можно согнуть. Чугунного – сломать...

– Времени у нас не так много, – сказал Влад. – Скоро его хватятся, и небеса содрогнутся от вопля мировой и туземной общественности.

– Мне нужно часов восемь-девять. – Эскулап прилепил к плечу Анзорова какой-то датчик. Чеченец дернулся и выругался, но Эскулап не обратил на это никакого внимания.

– Главное – результат.

– Результат будет, – улыбнулся ласково Эскулап и посмотрел на Анзорова.

Их глаза встретились. Дуэль длилась не больше трех секунд. И ненависть, упрямство стали у депутата уступать место животному ужасу.

– Не бойтесь, дорогой мой пациент. Я не палач. Будет совсем не больно...

Эскулап был гордостью старой конторы. В закрытом и пользующемся заслуженно зловещей славой НИИ номер семь он достиг совершенства в методике подавления личности – виртуозно использовал для этого дела весь возможный арсенал средств, начиная от гипноза и кончая психотронными устройствами и психотропными веществами. Шансы Анзорова устоять против Эскулапа равнялись круглому нулю.

Вопрос состоял в том, чтобы не угробить допрашиваемого, чтобы выдержало сердце и нервы, и он не преставился от инфаркта и не превратился бы в буйного психбольного.

– Ну что, начнем. – Эскулап взял инъектор и вкатил пленнику первую дозу «лекарства».

Человечество всю историю пыталась применять вещества, развязывающие языки лучше пыток. На научную основу это было поставлено в Англии в 18 веке, когда подозреваемому сделали инъекцию опиума. В 1916 году американский врач Роберт Хаус провел опыты по использованию скополамина – обезболивающего препарата растительного происхождения. Позже были попытки применения для этих целей наркотиков – марихуаны, мескалина, ЛСД. В пятидесятые годы ЦРУ пробовало псилоцибиновые грибы, яд кураре. Особую известность получил пентонал натрия... Настоящая революция произошла в семидесятые годы, когда в закрытых институтах КГБ, ЦРУ начали прокатывать сложные химические соединения, обладающие порой волшебными свойствами... Применение психотропных веществ упирается в один момент – не проблема привести человека в состояние оглушенности, когда язык сам будет болтаться, как флаг на ветру. Весь вопрос в том, что в таком состоянии человек легко продуцирует ложные воспоминания и сам становится уверенным в их истинности... Отсечь лишнее, разобраться, где правда, а где фантазии – вот тут нужен высокий уровень оператора. Эскулап в этих делах был настоящим кудесником. Он

мог невозможное...

Анзоров заорал – у него возникло ощущение, будто ему влили расплавленный металл.

– Тише, тише, – забормотал Эскулап. – Сейчас все пройдет.

Для того чтобы выжать депутата досуха, залезть в самые потаенные уголки его нутра, заставить признаться в том, в чем он и сам себе не признался бы, Эскулапу понадобилось всего пять часов.

Итак, расклад с изотопами выглядел следующим образом. Дела у сепаратистов в Ичкерии шли в последнее время ни шатко, ни валко. Цель достижения независимости, и так довольно эфемерная, сегодня отодвигалось лет эдак на тысячу, но это полбеды – серьезные люди всерьез к этим целям не относились. Хуже, что иссякали зарубежные ассигнования. Стабилизация обстановки резко сокращала доходы и в самой Республике. Утрачивалась влияние определенных кланов.

Способ разрешения этих проблем один – удивить, потрясти всех. Захваты концертных залов – трудоемко, трудозатратно и трудновыполнимо. После того, как бойцы антитеррористического центра госбезопасности уложили полсотни усыпленных боевиков, делая аккуратные контрольные выстрелы в голову, количество ичкерийских патриотов, мечтающих покурить на пороховой бочке, резко пошло на убыль. А взрывы самодельных взрывных устройств на остановках, вокзалах и дискотеках уже воспринимались народами Рос-

сии как неприятная и вполне обыденная неизбежность.

Нужно было что-то грандиозное.

Анзоров, человек с высшим техническим образованием, выполняя свои депутатские обязанности, наткнулся на информацию о секретной разработке в «Вьюжанске-11» – активных трансформерах. Вещество безобидное, не выявляемое с помощью счетчика Гейгера, его можно спокойно перевозить в дорожных сумках без риска облучения. Но с помощью нехитрых манипуляций оно превращается в сильно радиоактивный порошок. При попадании в легкие пятидесятипроцентная вероятностью рака легких и летального исхода. А при больших дозах – лучевая болезнь. Мечта воина джихада! Захватывающие перспективы! Порошок активизируется. Распыляется над Москвой. Одновременно травится водоканал. Предусматривались еще некоторые сюрпризы, рангом поменьше. Все это сопровождается галдежом в России и Европе. Наиболее отработанная часть сценария – правозащитные организации, свободная пресса, комиссии Евросоюза. Грозные требования немедленно начать улаживание споров политическими методами, поскольку военного решения вопроса не существует, а борьба с бандитами ведет лишь к эскалации конфликта. Доводы известные, обкатанные не раз. Результат – Россию ставят на колени.

В качестве основного исполнителя был выбран известный мастер террористических многоходовок Рамазан Даудов, больше известный как правая рука колченогого отца че-

ченского террора Абдулмуслимова. В столицу выдвинулись рядовые исполнители. Сидели и терпеливо ждали обещанных взрывчатки и изотопов. Пятеро из них готовы были ошарашиться – принять мученическую смерть за веру. Остальные рассчитывали выполнить работу и уйти, сорвав хороший куш. Сам депутат Анзоров адресов боевиков не знал. Даудов считал за благо не посвящать его в такие подробности – береженого Аллах бережет. Депутат оказывал поддержку деньгами, информацией и кое-какими ресурсами.

– Сколько по расчетам должно было погибнуть мирного населения? – спросил Влад.

– По приблизительным оценкам от трех до пятидесяти тысяч. – Глаза депутата были полуприкрыты, слова звучали отстраненно, скрипуче. Пленник был похож на механическую куклу, у которой кончается завод и проржавели пружины. – Перед терактом чеченцы и дружелюбно настроенные лица будут предупреждены. Не все, только самые ценные...

– Какими соображениями могут быть оправданы подобные жертвы среди мирного населения?

– Для вас это мирное население. Для нас – никто. Чужая вера, враждебный нам образ жизни. Враг, который подлежит уничтожению, кроме детей младше пяти лет и стариков, которые не могут рожать детей, но могут еще работать. – Слова текли без задержки, как будто отрепетированная не раз речь.

– Как по-писаному шпарит, мерзавец, – хмыкнул Влад.

– При психосканировании легко выплывают на поверх-

ность глубинные подсознательные маркеры. Они – следствие социального зомбирования. Тут и религиозные, и бытовые постулаты, и неписанные законы племени, в общем, тот самый пресс, которым с детства у человека подавляется личность и трансформируются морально-нравственные оценки. Он не принял эти истины на веру после долгих размышлений о смысле жизни. Они вбиты в него гвоздями, – пояснил Эскулап.

– Понятно, – кивнул Влад.

– Особенно мощные маркеры оставляет идеология мусульманского фундаментализма, будто специально созданная для зомбирования. Анзоров может блистать в обществе, разъезжать на лимузине по московским политическим бондам, читать Бебеля и Бабеля, но в подсознании стоят флажки. В этом заключается мощь глобальных идеологических движений. И дело не только в мозге человека. Тут сказываются еще совершенно неизученные связи в биоинформационном поле.

– Все слишком мудрено, – усмехнулся Влад. – Нам нужно немного. Чтобы этот подонок еще поработал на нас.

– Тогда продолжаем обработку...

Эскулап снова взялся за подопытного. На этот раз в ход пошла «медуза» – металлический колпак со щупальцами проводов, отходящих к жестяному ящику и компьютеру.

Еще через полчаса Анзоров был готов к новому этапу.

– Экстренная связь с Рамазаном, – нагнулся над ним Влад.

Сейчас депутат смотрел на него выпучив глаза, и глаза эти были стеклянные. – Есть канал?

– Есть.

– Ты вызовешь его...

– Я не могу.

– Это надо для проведения священной акции возмездия, – мягко произнес Эскулап, касаясь плеча пленного. – Это очень важно. Ты сделаешь это.

– Сделаю...

Влад протянул депутату его же мобильник.

Депутат нащелкал номер экстренной связи с Рамазаном Даудовым. И назначил срочную встречу. Дал отбой и произнес:

– Я все сделал.

– Молодец. – Влад повернулся к Эскулапу. – Нужно привести депутата в транспортабельное и послушное состояние.

– Нужно, значит, приведем, – кивнул Эскулап, разглядывая подопытного, удовлетворенно, как скульптор, которому осталось совсем немного, чтобы довести свое творение до конечного товарного вида.

С последней частью работы он справился за полчаса.

– А теперь поехали. – Влад положил руку на плечо Анзорова, которого освободили от датчиков и зажимов.

Депутат был готов ехать куда угодно...

Удара не последовало.

Бугай пристроился в кабинке. Но пробыл там недолго.

Бруевич мысленно перекрестился. У него было такое ощущение, что его только что похоронили, а потом выкопали еще живым. Сердце ухало. В висках пульсировала кровь...

«Надо же быть таким дураком! – обругал он себя. – Что теперь, бояться каждого встречного?! Ничего не произошло! Это глюки! Коль со стенок лезут руки, не пугайтесь – это глюки... Глюки... Глюки... Глюки?»

Вдруг на Бруевича снизошло какое-то вселенское спокойствие. И вместе с ним ясное понимание ситуации. Он совершенно определенно понял, что никаких глюков не было. Ситуация вот она, на ладони!

За ним шли... Точно шли... За ним наблюдали еще от дома Ромы. Пока его решили не трогать. Во всяком случае здесь. А вот что будет дальше? Тут воображение подсовывало картинку одну другой краше. В вагон заходят люди. «Пойдем, парнишка, прогуляемся!» Выкидывают на ходу. И бесчувственное тело летит со скоростью шестьдесят километров в час на насыпь. «Пройдемте с нами... Не беспокойтесь, граждане, мы милиция, задерживаем опасного преступника!» Возможен и такой вариант. Могут его взять у вокзала. Могут в той же электричке. Случайная машина вполне

способна переехать зазевавшегося гражданина. Равно как и случайный кирпич не против спланировать ему на голову. С ним могут сделать все – похитить, убить, бросить на съедение крокодилам. Могут начать игру... Все возможно. Одно-го только не может быть – чтобы все это оказалось плодом фантазии.

Следующий вопрос – что теперь делать?

В туалет зашел еще один человек – типичный колхозник, худосочный, промасленный, продубленный ветрами, холодом и жарой, заспиртованный самогоном и брагой. Явно не из тех. Хотя...

Стоп. Это уже мания преследования...

Думать надо... Действительно, с ним могут сделать что угодно. Но для этого нужно одно условие – чтобы он был на виду. Под контролем. Надо ускользнуть от них.

Говорят, новичкам везет. Посмотрим!

Колхозник вышел из сортира, оставив программиста наедине его проблемами.

Бруевич толкнул дверь кабинки. И увидел то, на что надеялся – как из застекленного окошка сверху падает свет заходящего солнца... Сердце радостно екнуло.

Он толкнул раму. Та не поддалась. Прилеплено намертво. Покрашено белой масляной краской, которая держит лучше клея. И шпингалеты залиты ею – не сдвинешь ни на миллиметр. Еще раз толкнул. Еще...

Он уже примерился разбить стекло и поднять ненужный

шум. Но тут шпингалет шевельнулся и скользнул вверх. А потом и рама с треском поддалась.

Окно тесное. Для Бруевича явно маловато. Но протиснуться можно. Если снять куртку.

Он стянул куртку. Бросил ее в окно. Она с глухим стуком упала на что-то. Туда же последовала и сумка. Кряхтя и проклиная, что мало занимался спортом и давно не сидел на диетах, Бруевич приподнялся на унитазе, втиснулся в окно. Выдохнул. Рванулся.

Выпал, больно ударившись коленом и рукой. Поднявшийся грохот, как показалось, прозвучал весенним громом. Программист оказался на жестяной крыше, гулко отзывавшейся на каждое его движение.

Он быстро натянул куртку, прихватил сумку и осторожно, стараясь поменьше грохотать башмаками, двинул вперед.

Внизу, метрах в трех, был заваленный металлоломом дворик. Справа тянулся серебристый пенал ангара. Внутри его ухало и лязгало. Скорее всего, там ремонтировали вагоны...

Бруевич сбросил вниз сумку. Хотел тоже легко, в стиле героев боевиков, прыгнуть вниз, на асфальт. Но, реально оценив свою физическую форму, решил, что ногу точно сломает. Поэтому сполз на брюхе к краю крыши. Вцепился в нее пальцами. Перевалился. И начал разгибать руки. Ноги болтались в воздухе...

Вытянув руки, разжал пальцы. Земля ударила по подошвам. Бруевич упал, испачкав брюки и куртку в грязи. При-

поднялся. Ощупал ногу. В порядке.

Он подобрал сумку. Направился к заборчику. Перевалялся через него с трудом.

Теперь перед ним расстился небольшой пустырь. Дальше шли участки. Огороды. Бруевич огляделся. Ничего подозрительного...

Он вздохнул и потопал прямо по грязи.

Когда ботинки его отяжелели от прилипшей грязи, а сам он стал похож на чучело, удалось выбраться на шоссе. Огляделся. Решил, что достаточно удалился от станции. Преследователи, наверное, переполошились. Начнут его искать. Так что надо уматывать отсюда как можно дальше.

Он отряхнулся, соскреб грязь с куртки и брюк, оттер ее с ботинок. И поднял руку, призывая остановиться грозно урчащий «КамАЗ».

Машина притормозила.

– Тебе куда? – спросил шофер.

– Куда подальше...

Водитель с подозрением посмотрел на него. Потом бросил:

– Ты мне все сиденья замызгаешь.

– Пятьсот рублей.

Водитель прикинул что-то про себя. Кивнул:

– Залазь...

«КамАЗ», зарывав, рванул вперед.

– От кого бежишь? – спросил водитель.

– От себя...

– А, интеллигент. Весной у вас бывает... Метания души. –

Водитель усмехнулся.

– Да в гости зашел. И не вовремя.

– Муж, – водитель хохотнул. Потом сообщил: – Я до

Стрельнического еду...

– Там автобусная станция есть?

– Имеется.

– Годится...

Бруевич вытащил мобильник. Отстучал номер. Зона приема была слабая, эфир шуршал и трещал...

– Але, – послышался голос Панина.

– Это Леха. Палыч, уматывай куда глаза глядят.

– Алешенька, это ты?

– Я. Уматывай, говорю.

– Что?

Шуршание забило голос. Потом молчание. Зона приема накрылась. А потом мобильник замигал. Дисплей потух. Все, электричество кончилось. Батарейки сели. Вот невестуха! Черт, понял ли что-нибудь Панин? Надо надеяться на лучшее.

– Хорошая хоть девка? – поинтересовался водитель.

– Да так себе.

– Тогда не стоило и стараться.

– Думаешь?.. Наверное, все-таки стоило...

Рамазан Даудов был обучен азам оперативной работы. И место встречи он выбрал пустынное, так, чтобы просматривалось все вокруг – незамеченным не подберешься. Хотя подлости от депутата и не ждал, но подстраховаться никогда не мешает.

Если бы он встречался в многолюдном центре, то прибавил бы оперативникам забот. А тут его сумели засветить еще на подходе. Невзрачный «жигуленок», за рулем которого сидел скромно одетый мужчина, не слишком похожий на кавказца, свернул от жилмассива в сторону ветки железной дороги. Срисовали и машину прикрытия с двумя бойцами в салоне – кавказцем и славянином.

– Третий, первый – принимаете объект два, – произнес в микрофон Влад, руководивший операцией из ставшего уже для него домом родным штабного микроавтобуса. – Четвертый, шестой, седьмой – объект один...

Послышались отчеты о готовности.

– Внимание... Начали...

«Газель», мирно стоящая на обочине, рванула вперед и подрезала неторопливо движущийся «Жигуль». Послышался грохот – легковушка двинула бампером фургон и замерла. Через окно «Газели» устремился пущенный из спецкарабина светозвуковой заряд, пробил лобовое стекло и рванул в

салоне, на несколько мгновений оглушая и ослепляя Даудова, лишая его возможности дотянуться до «лимонки» и унести с собой на тот свет несколько врагов.

На ходу из «Газели» выпрыгнули бойцы. Оперативник, обладающий комплекцией пещерного медведя, легко выдернул оглоушенного Рамазана Даудова прямо через выбитое лобовое стекло «жигуленка», встряхнул, как шкуру, и бросил в ласковые руки своих товарищей. У террориста хрустнули суставы, когда локти завели чуть ли не до затылка. Пленный что-то замычал, получил удар кулаком по затылку и отключился. Его бросили на пол «Газели». Дверь с грохотом закрылась.

– Наконец встретились, – зловеще улыбнулся Казак. У него были давние счеты с Рамазаном. – Гол в твои ворота, скотина...

С машиной прикрытия тоже все прошло как по-писаному. Тяжелый, как танк, «Джип» протаранил «Ауди» в бок, вынес ее на обочину.

Один боевик так и остался в салоне, потеряв сознание. Водитель выпрыгнул, когда машина еще двигалась, бросился, было, вперед. Вовремя огляделся. Увидел стволы и понял, что его сейчас завалят. Замер, продемонстрировал пустые руки:

– Не стреляй!

Получив сообщения от групп захвата, Влад выдал в эфир:

– Отработано. Молодцы. Отход. Зачистка...

Если кто из москвичей и наблюдал произошедшее, то наверняка ничего не успел понять. Пленных упаковали в машины. В точке переброски кинули в фургон для перевозки мяса.

Через полчаса Рамазан Даудов был на базе.

Десять минут на разговор. Сначала поломал, как положено, дурака – не понимай, почему задержали честного гражданина России, имеющего так похожий на настоящий паспорт. Какой Даудов? Правая рука кого? Колченогого Абдулмуслимова? Не знаю такого. И газет не читаю.

Еще несколько минут на попытки хитрить, предложение сотрудничества. Влад не стал вдаваться в дискуссии. Он передал Рамазана Даудова в лапы Эскулапа.

Сам Даудов уже давно записал себя в покойники. Да, он надеялся выжить и после этой акции, песни всей его жизни, но слишком сильно на это не рассчитывал. Что такое его жизнь телесная, по сравнению с жизнью вечной, в райских садах, которая обещана воину ислама. Эти идеи были впаяны в самые глубины его существа, они составляли базу его личности. Он не ставил ни во что жизнь других людей, даже своих соратников, родственников. Готов был пожертвовать и своей жизнью. И ничто в мире не могло вынудить его отказаться от своей священной миссии.

Подобные установки сродни самой мощной кодировке сознания. Эскулапу пришлось потрудиться. После психовольного воздействия он все-таки поломал Даудова. И инфор-

мация потекла рекой. Она соответствовала тому, что рассказывал Анзоров, но выгодно отличалась конкретикой.

Детали операции еще окончательно не утвердили. Имелось несколько предварительных проработок. По примеру Нью-Йорка захватить спортивный самолет из аэроклуба, благо их под Москвой пруд пруди. Подлетное время таково, что ни одна ПВО не среагирует. Заразить воду тоже не проблема. Времена прошли, когда охранные зоны водохранилищ берегли как зеницу ока. Сегодня там понастроили вилл и «новые русские» спокойно и со вкусом сливают в водопровод отходы своей вонючей жизнедеятельности.

Эффект от теракта можно усилить несколькими точными ударами по системам жизнеобеспечения мегаполиса. Например, пройти по подземным московским коммуникациям, в которых полно болезненных точек, воздействие на которые нанесет колоссальный ущерб. Ту же канализацию можно в нескольких местах взорвать, и город утонет в нечистотах.

Планов у Даудова имелось много. Но свободы маневра не было. Действовать надлежало только по указанию пребывающих в Турции заказчиков и Доку Анзорова.

Собранная Даудовым из Чечни, регионов России и СНГ команда отборных рыцарей террора отсиживалась по адресам. Притом на каждом адресе было не более трех человек, снабженных железобетонными документами, транспортом и мобильными телефонами. Координацию осуществляли командиры троек, они имели выход по мобильным телефонам

лично на Рамазана. В команде нашлось место не только горцам, но и славянам, в основном, украинцам, некоторые из которых приняли ваххабизм. На долю славян достанется наиболее тонкая работа, где с чеченской мордой не пролезешь.

Рамазан Даудов выложил, как на духу, имена, адреса проживания, контакты, номера телефонов.

Когда террориста выжали досуха, Казак и Влад устроили военный совет. Что получалось? Зачищать такое количество по всей столице – немыслимо. В принципе, это возможно, но потребовало бы привлечения практически всех оперативных сил «Пирамиды». И еще возникало множество угроз. Боевики вооружены. Многие из них готовы биться до последней капли крови. Весьма вероятны потери в живой силе. Кроме того, настолько масштабная акция не останется незамеченной. А сейчас не те времена, чтобы привлекать к себе внимание правоохранительных органов и спецслужб. И так уже наследили достаточно.

– Будем собирать боевиков в одной точке, – решил Влад.

– Каким образом? – поинтересовался Казак.

– Рамазан протрубит общий сбор.

– Где?

– На одной из точек активных действий.

– Ну что ж, устроим им там товарищеский матч, – хмыкнул Казак, который, как старый футбольный фанат, к месту и не к месту пользовался футбольной терминологией.

Рекогносцировщики Конторы – несколько специалистов

высокого класса – давно занимались тем, что мотались по Москве и области, подбирая места для возможных акций. Учитывалось все – как добраться до места, как обрубить концы, как не привлечь внимание. Или же наоборот – устроить наибольший шум. Эти места назывались точки активных действий.

Влад вызвал начальника группы рекогносцировки, который как раз был на базе. Они залезли в компьютер и за четверть часа подобрали наиболее подходящее для акции место – точка активных действий номер пять в полусотне километрах от Москвы. Когда-то там был заброшенный пионерский лагерь, его выкупила невнятная коммерческая структура, да так и забросила из-за неимения средств. Одно время там хотели создавать клуб для любителей конного спорта, но идея засохла на корню из-за отдаленности места от железнодорожной магистрали и отвратительных дорог.

Снова взялись за Даудова.

– Мы собираем команду. Это нам очень нужно, – ласково вещал Эскулап.

Воля находящегося в трансе Рамазана Даудова была сломлена. Базовые блоки в сознании заморожены. Сейчас он представлял из себя воск, из которого можно лепить что угодно.

– Общий сбор, – произнес Даудов.

– Обзванивай. – Эскулап протянул ему мобильный телефон с первым набранным номером. – Назовешь следующие

место и время сбора...

Через двадцать минут работа была закончена. Руководители троек получили сигнал экстренного сбора...

Прошло все очень просто и мирно. В нужное время группы подтянулись к заброшенному пионерлагерю. Деревня рядом почти вымерла – там осталось несколько дворов, в котором доживали жизнь старики или тянули бессмысленные дни заклятые пропойцы. В целом же здесь была тишина и благодать.

С утра на точку активных действий потянулись машины. Некоторые командиры троек, выбираясь из салона, напряженно оглядывались. Они понимали, что происходило нечто экстраординарное. Ведь в одном месте были собраны люди, которые вообще не должны были друг друга видеть и знать.

Приехали, естественно, без оружия. Только сумасшедший террорист будет расхаживать в свободное от нелегкой работы по уничтожению мирного населения время со стволом – лучшего подарка спецслужбам и правоохранительным органам не сделаешь. Террорист без оружия и с правильными документами – это обычный гражданин, который если и вызовет подозрение, то его задержат на пару часиков и отпустят.

Поэтому работа для группы захвата оказалась совсем несложная. По окончании сбора всю команду поставили под стволы. Пара наиболее отчаянных боевиков дернулась. С ними не стали уставать рукопашных боев. Хлопок бесшумного оружия. Стук падающего тела. Кончено. На остальных это

подействовало отрезвляюще.

На точку подогнали фуру. Туда кинули пленных, предварительно вкатив им инъекции – теперь они пролежат бревнами часов семь.

– Исполнено! – удовлетворенно произнес Влад, когда машины начали отваливать от точки.

Дальше работа для «изыскателей» – Эскулапа и его помощников. Каждого пленного вывернут наизнанку, по капельке выцеживая информацию. Самый незначительный факт, информационный мусор, на который нормальный человек не обратит внимание, попав к аналитику, может оказаться жемчужиной.

А затем по каждому из задержанных будет принято рациональное решение. Тех, кого можно использовать, используют. Остальных, а это большинство, выведут в расход, спишут со счетов... Работа грязная, но необходимая. Зато можно быть уверенными, что ни один из них не подложит бомбу в самолет и не захватит в заложники детей. Каждая уничтоженная мразь – это десятки спасенных человеческих жизней.

* * *

Настало время, когда Влад мог перевести дыхание. Активная фаза операции «Полынь» завершилась стопроцентным успехом. Теперь наступала рутинная стадия обработки

полученной информации и зачистки хвостов. Это могло занять несколько месяцев.

Влад мог поздравить себя. На редкость чисто сработано. С самого начала операции Влад поймал кураж. Это очень важно – поймать кураж. Это означает, что на твоей стороне тогда не только математически выверенный расчет, но и бесшабашный азарт, как парусами надуваемый везеньем и удачей.

У Влада вообще в жизни все получалось хорошо. Вся его жизнь состояла в том, чтобы прошибать руками и ногами, телом, головой различные преграды – каменные, железобетонные, чугунные. И все ради одного – СЛУЖЕНИЯ.

Оглядываясь на свою биографию, он совершенно четко осознавал, что с каждым годом ему приходится брать все более трудные преграды. Будто кто-то наверху, в небесных высях, решил испытать предел его прочности. Неведомая сила хранила его от пули и ножа, но требовала от него полной отдачи. Русич был прирожденным воином. Он был создан для служения и защиты. И свернуть с этого пути не смог бы никогда.

Солдатами были его предки. Родители были военврачами, они погибли в авиационной катастрофе. Влад, студент первого курса химфака Ростовского университета, остался один. Жизнь его стала сплошным отчаяньем. Из пучины его вытащил Мастер – загадочная фигура, так до конца и не понятый Владом человек, учивший его и еще нескольких ре-

бят по уникальной системе, вобравшей в себя все воинское искусство славян. Он не только сделал из Влада бойца. Он научил его видеть жизнь во всей полноте. И толкнул его на путь воина.

Это была развилка судьбы. Он только окончил университет, распределился во ВНИИ, где рассчитывал заняться своей любимой наукой – химией. И в этот момент пришло сообщение, что в Таджикистане убит Сергей – последний его родной человек, двоюродный брат, офицер-погранец. И вдруг с какой-то неземной ясностью Влад понял – война на пороге. И долг мужчины встретить ее с оружием в руках.

Как раз тогда пришла повестка из военкомата. Откосить Владу ничего не стоило.

– Тебе решать, – сказал Мастер.

– Я пойду служить, – кивнул Влад.

Мастер посмотрел на него с удовлетворением:

– Это твоя дорога, Влад. Единственная дорога... Только ступив на нее, ты уже не уйдешь в сторону...

Загребли Влада не в войска химзащиты, на дальний полигон, как он ожидал, а в элитную часть десантных войск – полк специального назначения под Москвой. Уже позже Влад понял, что к этому наверняка приложил руку Мастер. Вообще, Мастер вел его по жизни. Подталкивал в нужном направлении. Он тоже выполнял какую-то миссию...

Сперва, правда, был не десант, а два месяца службы в Отдельном батальоне аэродромно-технического обслуживания

одного из подмосковных аэродромов. Десантом там и не пахло. Влада в банду батьки Махно назначили замкомроты. И свое воинство он привел в чувство за две недели, превратив роту в войсковое подразделение. Только после этого его перевели командиром взвода химзащиты полка ВДВ.

Там – первые прыжки с парашюта из старенького «АН-2».

*Мабута прыгает с «ЗИЛа»,
А десантура с «Ила».*

Там он понял суть этой поговорки. У десантуры вояки делились на две категории: мабута – крысы, которые не знают свободного полета, которые не в курсе, что жизнь десантника держится на тридцати двух стропах парашюта. И настоящие голубые береты... Распахнувшаяся перед тобой за проемом люка «АН-2» в легкой поволоке тумана земля с нитками дорог, квадратами полей. Кажется, проведи рукой, и кожа ощутит бархат зеленого лесного одеяла. Ощущение ужаса перед пропастью, дыхание неотвратимой смерти, которая дожидается внизу отважного безумца, ей не терпится впитаться в его изломанное от падения с восьмисотметровой высоты тело... И ни с чем не сравнимое чувство полета. Спасительно натянутые стропы парашюта «Д-6». Аналогов нет. Разве что потеря девственности.

На дворе – девяносто четвертый год. Только что распалась великая Империя. И с каждым месяцем таяли надежды

собрать ее обратно. Зато в воздухе веяло ледяным предчувствием войны. Империя, как пирог, объедается по краям. В большинстве стран СНГ шли войны разной напряженности. Свободная Ичкерия жила на грабежах поездов, финансовых махинациях, ее боевики резали русское население и угоняли со Ставрополя стада коров, трактора и рабов. Взрыв был неминуем, и Влад отлично понимал, что скорее всего придется прыгать с парашюта на позиции врага и колесить по военным дорогам на боевых машинах десанта. И он как запойный алкоголик ушел в боевую учебу. Навыки по владению оружием, стрельбе – ему казалось, он не обучался им, а просто вспоминал их. Заложенные Мастером рефлексы, как оказалось, идеально ложатся на военную подготовку.

То, что его отобрал в свою группу легендарный Медведь, с одной стороны, было для Влада громом среди ясного неба. А с другой стороны, он предчувствовал, что должно закончиться чем-то подобным.

Об офицерской группе капитана Денисова ходили легенды. По отзывам десантников, драный Рэмбо должен был бы зарыть штык в землю и записаться в пацифисты, увидев работу разведывательно-диверсионной группы Медведя. Туда отбирали самых лучших. Универсалов, которые с одинаковой легкостью могли работать снайперами, связистами, гранатометчиками, радистами. Элитное подразделение в элитном полку. Элита в элите. И вот Влада огорошили предложением стать частью этого коллектива...

Медведь, разговаривая с ним в штабе батальона, дал ему время на раздумье.

– Это тяжелая жизнь, – сказал он. – Работа у нас не сахар. Знаешь, говорят, жизнь – это очередь за смертью. А мы обслуживаемся вне очереди, лейтенант... Подумай...

– Я согласен, – кивнул Влад.

Так он стал рэксом – бойцом элитной разведывательно-диверсионной группы.

Собственно, в штатах полка никакой офицерской группы не было. Отцам-командирам пришлось проявить чудеса изворотливости, чтобы раскидать эти штатные единицы по подразделениям, да еще так, чтобы не обижать бойцов ни в званиях, ни в деньгах. Зато теперь имелось подразделение настоящих профессионалов, каждый из которых был не просто профессионалом, но и личностью. Ни одной штабной или паркетной крысы. Никаких солдат в подчинении, караулов, нарядов по части и обеспечения окрашивания бордюров и елок к визиту генералов из Министерства обороны. Все полевые офицеры. Заняты исключительно учебой и боевой работой...

Боевая работа в первые месяцы была эпизодической. Влад мог сосредоточиться на постижении мастерства диверсанта. Учили затыжным прыжкам, десантироваться по канату с зависшего вертолета, управлять дельтапланом, парашютом, катамараном, моторной лодкой. Он быстро забыл, чему его учили на военной кафедре в институте, и заново постиг во-

енную топографию, своими ногами эти премудрости быстрее познаются. Научился ориентироваться на любой местности по компасу и карте, по местным предметам, быстро и правильно засекают нужные объекты. Узнал все об оружии и боевой технике. Узнал, как по звукам определять местонахождение, численность и характер действий противника. Его научили маскироваться на любой местности, двигаться легко, как ветер. Научили правильно наблюдать, организовывать засады и засекают чужие засады. Незаметно брать языков. Бесшумно проникать через инженерные заграждения, водные преграды, хорошо плавать. Работать с минами, бесшумным оружием, арбалетами. Карабкаться по отвесным стенам. Выживать в лесу и пустыне, в горах. Водить все виды боевой техники, даже вертолет. Ставить маячки для бомбардировщиков. И еще – агентурная работа. Методы моментальной вербовки, встреч. Развед-диверсионное подразделение спецназа уже не один год проводило легендированные операции в странах СНГ, где грозили вспыхнуть горячие войны и где могли высадиться русские десантники.

Месяца три Владу дали на это. А после командировки пошли одна за другой. Пылал Таджикистан. В Узбекистан рвались талибы. И готовилась вспыхнуть Чечня, ее боевики уже всю шалили вне пределов ее свободной от России, бога и закона территории.

Так получалось, что разведывательно-диверсионную группу Медведя использовали по большей части вне зоны

ответственности полка спецназначения ВДВ. Не так легко разобраться в хитросплетениях политики, но Влад быстро усек, что отцы-командиры бросают в пекло их часто в тех случаях, где по каким-то внутриведомственным интригам не хотят использовать спецназ Главного разведуправления. В тонкости Влад не лез. Но уже позже узнал, что частью «заказов» они были обязаны Гермесу, в то время занимавшего должность Начальника Управления «Контртеррор» Министерства обороны России. Так что Медведя и его людей уже тогда несколько раз привлекали к акциям «Пирамиды». И еще будучи командиром группы, сам Медведь активно сотрудничал с этой организацией. И не случайно, что большая часть его разведывательно-диверсионной группы впоследствии очутилась в «Пирамиде».

Специфические возможности группы влекли и специфические задачи. Одна за другой пошли командировки в Среднюю Азию. А там – диверсионные вылазки, захваты языков, акции устрашения и возмездия, обеспечение разведывательных мероприятий, заброска на территорию Афганистана... Потом – Чечня. Там начался настоящий ад. Но тогда адом Влада уже было не испугать. «Будут у тебя дети», – сказал бог черту и создал десантников.

Потом была сдача Чечни. Отчаяние от предательства верхов. Последняя командировка на государственной службе – в Африку. Увольнение. Мелкий бизнес в Европе. Кровавая стычка с криминалом. Бегство от полиции. Французский

иностранный легион. Возвращение в холодную, неприятную Россию, разваливающуюся по частям. Бессмысленность и тщетность всего. И, наконец, вербовка в «Пирамиду». Там гроза гор и лесов, уникальный боец Влад, псевдоним Русич, стал прекрасным опером. Научился работать в городе. Вести наружное наблюдение и отрываться от него. Внедряться в окружение противника. Организовывать хитроумные оперативные комбинации. Овладел искусством шантажа. Узнал на своей шкуре, как готовить и проводить силовые акции не только против бандитов и террористов, но против политиков и бизнесменов. Вошел в большую игру, на кону которой сегодня была судьба страны...

Вечером, кинув материалы в портфель-контейнер, служащий для перевозки секретных материалов, – достаточно было нажать на кнопку, чтобы через секунду все его содержимое превратилось в пепел, Влад отправился на «базу один» – аккуратненький, скромный двухэтажный дом в ближнем Подмоскowie. Там ждал Гермес – Главный оперативный координатор Организации.

– Информация к размышлению, – сказал Влад, открывая контейнер и извлекая лазерные диски, аудиокассеты и бумаги.

– Поглядим. Покумекаем, – кивнул Гермес – сухощавый мужчина, давным-давно разменявший полтинник. – А ты здесь отдохни, Влад. Расслабься от трудов праведных...

– Обязательно, – безрадостно ответил Русич.

– Массажисток предоставить не могу. А вот записи Шуберта и Глинки имеются.

– Вот спасибо...

Это надолго. Влад знал, что теперь сутки или двое не вылезет отсюда. Гермес будет тщательно знакомиться со всеми материалами, а Русич будет давать пояснения. Тут же под рукой шеф аналитической группы.

Влад вздохнул. Ему страшно хотелось домой, к семье. Но его желаний никто не спрашивал.

Ему отвели просторную комнату. Там он провалялся несколько часов на диване, щелкая пультом телевизора, перескакивая с безрадостных новостей о падениях вертолетов, терактах и новых политических инициативах Европарламента на американские боевики, где горели машины и герои стучали с треском друг другу по мордам. Грязь, боль, дерьмо – в общем, норма.

Влад отключил телевизор. Врубил музыкальный центр. Подборка дисков была по вкусу Гермеса – сплошь классика. Зазвучала божественными аккордами опера Вагнера «Гибель Богов». Эта музыка будто вышибала человеческий дух из тесных оков обыденности, возносила его к божественным вершинам, открывала взор на суть вещей. Да, «Полет Валькирий» стоило бы сделать гимном Организации...

Насладиться до конца высоким искусством Владу не дали. Затренькал внутренний телефон.

– Подойди ко мне, – послышался в трубке голос Гермеса. –

Тут кое-что интересное...

Влад спустился в подвал, где в защищенном от всех видов прослушивания помещении Гермес ознакамливался с материалами.

– Не упускай ничего, – произнес он, включая видеомагнитофон.

На экране появился Рамазан Даудов, из которого Эскулап выжимал все самые позорные факты его мерзкой биографии.

«– Отработали заказ... Взорвали лабораторию. Вместе с людьми.

– Дальше.

– Цель была – лаборатория, оборудование. Персонал.

– Чем дело кончилось?

– Мы выполнили заказ. Там был список людей, которых надо ликвидировать обязательно.

– Кто заказчик?

– Платили хорошо... Какой-то Виктор.

– Кто такой Виктор?

– Странный тип... Не из уголовников. Не из идейных...

– Как выглядит? – Голос у Эскулапа был вкрадчивый.

– В шляпе... Серый какой-то. Средний рост. Среднее телосложение. Весь какой-то средний. Я не помню его лица. – Допрашиваемый запнулся. И с отчаянием воскликнул. – Я не могу вспомнить его лица. Не могу. Не могу...

– Спокойно. Тут тихо и безопасно. – Голос у Эскулапа стал как у проповедника, агитирующего туземца принять христи-

анство. – Все нормально. Тут все относятся к тебе хорошо. Тут ничего не угрожает.

– Не поверишь, я его боялся... Я, который никого никогда не боялся!»

Последний разговор. На экране появился Казак.

– Расстрела для тебя мало, но все, что можем...

В тот момент Рамазан не выдержал.

– Служить буду, – заголосил он. – Верным псом буду!

Жить хочу!

Он окончательно утратил свое лицо. Произошло то, что он, презиравший смерть, еще несколько часов и помыслить себе не мог.

– Дохлым псом ты будешь. – Казак ткнул его стволом пистолета в лоб. Погладил пальцем спусковой крючок. И убрал пистолет. Хотя и очень хотел пустить в лоб этому существу пулю.

Гермес выключил видеомагнитофон и покачал головой.

– Мне кажется, у Казака слишком много личного, – покачал он головой. – Это мешает работе.

– Иногда мешает. Иногда помогает, – сказал Влад. – У Казака немало накопилось счетов к этим подонкам. В Наурской боевики вырезали семью его брата, терского казачьего Казака... Труп возили по селу, привязав к трактору...

– Ладно, десантник, – отмахнулся Гермес. – Ты понял, о чем говорил Даудов?

– Он исполнил заказ на взрыв какой-то лаборатории. Ско-

рее всего, это Ищенко.

– Правильно. Неожиданно пересеклись разработки «Зеленая книга» и «Полынь».

– Виктор...

– На имя не обращай внимания. Серая шляпа. Невзрачный тип. Человек без лица... Кто это, Влад?

– «Вервольф»!

– Точно. Он. Оборотень...

– И что теперь?

– Пока ничего. Отдыхай. Ты заслужил...

По ласковому тону Гермеса Влад понял, что отдохнуть ему не дадут.

* * *

Панин не умел ездить на метро. Это было для него пыткой. Особенно в час пик. Особенно сегодня. Состояние у него было нервное. Не хватало воздуха, и от этого сердце тревожно сжималось, а потом колотило молотом. На душе лежала холодная лягушка. Галустян... Как все неожиданно, глупо... Смерть всегда приходит неожиданно... Но Галустян – жизнелюб, с искрометным чувством юмора, душа любой компании, наглотался таблеток... Почему? На финишной прямой, когда им предстояло порвать ленточку и взять приз. Может быть, просто сошел с ума? Не выдержал обрушившегося счастья? Или давно точила его проклятая ржа,

разъедала нервы все годы, тянувшиеся беспросветно, без какого-либо намека не лучшее будущее. Все было посвящено изнурительной работе, в которой он забывался, как алкоголик забывается в вине? Неясно все... И жутко...

Панин с трудом влез в поезд на «Савеловской». Самая неудобная линия метро – серая. Поезда ходят редко, битком набитые. И народ тут какой-то остервенело злой. Эта серая кишка засасывает работяг, люмпенов, молодежь из лимитских спальных районов. Он жил на «Алтушке» – есть такой «Гарлем» в Москве, гавань детей разных народов...

Стиснутый телами, Панин завис, вцепившись в поручень. В левый бок ему впечатывался острый локоть. На спину мягко давила объемистая женская грудь. В стороне кто-то сдавленно матерился. Девушка рядом тщетно пыталась раскрыть покетбук серии «Страстная любовь». Математик ощущал себя в этой толчее одиноким и беззащитным.

Сорокапятилетний интеллигент, не умеющий в жизни ничего, кроме как решать дифференциальные уравнения, выстраивать модели, обсчитывать линейные и нелинейные процессы... В России сегодня на фиг не нужны нелинейные процессы. И России на фиг не нужен доктор математических наук Панин... Галустяна приводила в бешенство такая постановка вопроса. Он хотел изменить положение вещей. Галустьян, Галустьян, где теперь твоя мятущаяся душа?.. И вдруг какой-то бесенок, живущий в каждом человеке, тихонько подsunул Панину подленькую мыслишку. Уже все на мази.

Время стричь купоны. Деньги. Огромные деньги. И одним компаньоном стало меньше.

«Дмитровская». Народ вынесло из вагона, как пробку. И новых пассажиров забило обратно, как поршнем... Сердце все сильнее ухало в груди Панина. Тягостное томление стискивало, и настроение опустилось ниже ватерлинии. Сегодня в метро было особенно тяжело и тоскливо... Теперь слева была плоскогрудая тетка. Сзади дышал луком кавказец. А справа притерся серый невзрачный тип, таких вообще в жизни не заметишь. Тип локтем давил ему в бок.

– Осторожнее, пожалуйста, – произнес с раздражением Панин.

– Ох, прошу прощения, – как-то жалобно проворковал тип в сером костюме, и математику стало неудобно, что наехал на такую же жалкую жертву метро, как и он сам.

– Ничего, – пробормотал Панин.

Тип еще более неуклюже развернулся, вжимая в бок Панину холщовую сумку, и стал с трудом продвигаться к дверям. Чертова сумка! Гвозди он там, что ли, носит?!

– Да аккуратнее же! – воскликнул Панин, почувствовав легкий укол в бок. – Вы меня укололи!

– Ох, простите. Пожалуйста, простите! – с этими словами, произнесенными обезоруживающе жалким тоном, невзрачный тип вышел из вагона.

На этот раз народу зашло меньше, чем вышло. Стало чуть-чуть просторнее. Наконец можно было перевести дух. Вот

только дух не переводился. Наоборот, Панину показалось, что его сдавливает прессом со всех сторон, вжимает в пол. Но давили не тела, а земное притяжение. И жаба в груди превратилась в камень. Математик прислонился к холодному стеклу с надписью «Не прислоняться». Сердце понеслось вразнос, потом его сдавило стальной рыцарской перчаткой... И земное притяжение потянуло Панина вниз. Он начал сползать, из последних сил тщетно пытаясь удержаться.

Поезд остановился. Снова будто поршнем выдавило и затянуло народ. Но тут, наконец, на падающего человека обратили внимание.

– Врача, – как издалека доносились до Панина встревоженные голоса. В ушах гудело, как при погружении в воду. И сознание уже уплывало куда-то в далекие края.

Врач, подошедший к заботливо уложенному на лавочку в вестибюле станции человеку, уже был не нужен. Его профессиональные обязанности заключались в том, чтобы констатировать смерть, которая наступила, как позже покажет вскрытие, от острой сердечной недостаточности.

Доктор физико-математических наук Владимир Павлович Панин всего лишь на два дня пережил руководителя проекта «Атлант» Григория Галустьяна.

* * *

Влад вышел из машины. Наконец решившее порадовать

москвичей своим присутствием солнце падало за дома, озаря красными отблесками перламутровое небо. Алые отблески на лицах. На предметах. На людях. Влад вздрогнул – ему показалось, что на руках осталась кровь. Нет, бред! Нет крови. Дело сделано.

Как всегда по окончании активных мероприятий, Влад ощущал опустошенность. Единственно, что могло вернуть вкус и цвета жизни – голос сына, объятия жены...

Он давно потерял счет акциям. И иногда думал, что в нем живет не один, а несколько человек. Точнее несколько программ на все случаи жизни. Притом их пересечение вызывает конфликт программ с перегревом и глюками. Есть Влад для общего употребления, любящий комфорт и хорошие компании, обладающий прекрасным тенором, шпарящий романсы под гитару под прицелам влюбленных в него в этот миг девичьих глаз, человек мягкий, податливый и бесконфликтный – по мелочам. Есть любящий отец и муж, тающий при виде трехлетнего сына и любимой жены. Есть боевая машина невероятной эффективности, танк, который не остановишь и гранатометом. А боевая машина не обращает внимание на кровь и писк из-под гусениц. К боевой машине неприменимы обычные моральные категории. Боевая машина сминает все на своем пути, оставляя за собой горящие обломки и истерзанные тела. Быть боевой машиной – это его крест, который он должен нести. Есть всепоглощающий азарт, когда ты идешь по черепакам врагов. Только по-

том, когда все кончено, отцепляешь от себя танковую броню и становишься другим, лучше не вспоминать о хрусте костей под гусеницами. И нельзя терзать себя шальными мыслями – зачем и почему надо делать все это?.. Надо! Потому что идет война.

Шумный медленный лифт со скрипом поднял Влада на седьмой этаж. Какая это уже по счету его квартира? Оперативнику «Пирамиды» нельзя задерживаться долго на одном месте, даже в одном городе. Сейчас его приют в ближнем Подмосковье. Вокруг краснокирпичные новостройки.

Двери лифта раздвинулись. Влад вышел на лестничную площадку, где сосед, пятидесятилетний работяга из автобусного парка, внушал своему отпрыску:

– Чтобы в десять дома был.

– Да по-о-ял я, по-о-ял, – молодежно-хулигански растягивая слова, изрекло лысое по последней моде дитя улицы.

– Смотри мне.

– Да понял я...

Недоросль буркнул Владу «зрассьте» и сбежал быстро вниз по лестнице.

– Одни дискотеки на уме, – заворчал озабоченный папаша. – Сегодня в Москве группа «Катастрофа», так они туда все двинули. Слушай, почему у них одни дискотеки на уме? Мы, помню, другие были.

– Были? Чего-то рано нас хоронишь, Семеныч!

– Я не в том смысле.

– Ладно... Не занудствуй.

– С работы? – поглядев на осунувшегося Влада, поинтересовался сосед.

– С нее, родимой.

Влад усмехнулся, представив, как вытянулось бы лицо соседа, узнай тот, какой работой занимается свой в доску молодой человек, которого все считают бизнесменом средней руки.

– Как насчет пивка? – спросил сосед, чмокнув и облизнувшись.

– Завтра. – Влад надеялся, что завтра выдастся спокойный день.

Дверь открыла Настя, и Влад утонул в ее пушистых, пахнущих цветами волосах. Она крепко прижалась к нему.

Из спальни как ураганом вымело Вовку.

– Папка! Купи мне летательный мотор! – с ходу огорошил он.

– Зачем мотор? – Влад схватил сына и подбросил вверх.

– Летать.

– Правильно. Рожденный летать ползать не может.

– Я и ползать могу, – заверил Вовка.

– Тоже иногда пригодится, солдат ты мой!

– Буду солдатом! – звонко объявил Вовка.

– А кем же еще, – вздохнул Влад, опуская его на пол.

Вовка будет воином. Такая судьба Абросимовым написана на роду. Они не первый век были воинами. И Настя тоже

знала, что так и будет. И от этого скорбь лежала на ее сердце. Но она знала, что иного им просто не дано. И принимала это стойко.

– Пельмени сейчас сварю, – засуетилась она.

– Сибирские?

– А как же, дорогой мой. Настоящие... Свои...

Пельмени. И еще стопка водки. Настя тоже за компанию прикладывалась. Водку она воспринимала в небольших дозах. Зато до тошноты ненавидела вино. Дело не в вине как таковом, а в воспоминаниях. Вино любил палач по кличке «Менге», в чьем исследовательском центре Настя провела не самые лучшие дни в ее жизни. Из-под ножа этого ученого расчленивателя в последний момент ее вытащил Влад. Он явился как Ангел небесный с огненным мечом и выжег то осиное гнездо. Пять лет... Прошло пять лет! Как будто фантастический роман вспоминалась та битва с «Синдикатом», когда обе стороны оставляли после себя выжженную землю.

Он принялся за еду. При этом одновременно беззаботно болтал со своими. С Настей он с удовольствием говорил о планах на будущее. О поездке к морю. О покупке страшно нужных вещей. Он будто произносил заклинания, поскольку очень хорошо знал, что будущее слишком неопределенно.

Он молил, чтобы ему дали время. Во всей холодной Вселенной, в сумасшедшем мире, сорвавшемся с катушек, он заработал право на тихий, родной уголок. Эдакое потаенное пространство, где пребывают три родных души – он, Настя

и Вовка. Где ему хорошо и спокойно. Где душа его отдыхает и преисполняется умиротворения. Где понимаешь, что бог есть любовь. Как же он ждал этих минут. Ласковые глаза Насти. Бесконечные «почему» Вовки. Мягкий диван. Желтый свет ночной лампы. И обязательно книга Гоголя, Тургенева или Толстого, сокровищница человеческих душ и страстей... Это счастье.

Телефон зазвонил на тумбочке. Настя вздрогнула, в глазах ее на миг появилось страдание. Она закусила губу.

– Сейчас, Настюш. – Влад потянулся за мобильником. – Может, хорошие новости...

На маленьком корпусе «Нокиа» зажегся разноцветный жидкокристаллический дисплей. Влад выслушал сообщение и отложил телефон.

– Не туда попали? – спросила с надеждой Настя.

Влад не ответил. Попали именно туда. Через два часа он должен быть в «Зоопарке».

* * *

Главный оперативный координатор Организации Гермес ждал в «Зоопарке». Так прозвали здание Всероссийского экологического фонда – невнятной организации, которая арендовала двухэтажный особняк на Каширском шоссе. На самом деле это была одна из наиболее засекреченных штаб-квартир «Пирамиды», куда допускались наиболее проверен-

ные люди.

– Отдохнул? – осведомился Гермес.

– От души. Отпуск за три года использовал. Канары. Багамы... Сейшелы...

– Ладно, не попрекай, – добродушно улыбнулся Гермес. Считалось, что он человек настроения. Иногда – добродушный и отходчивый, иногда же под руку ему лучше не попадаться. Но Влад знал, что это не так. Главный оперативный координатор сам умел создавать себе настроение под определенную ситуацию. Трудно найти другого человека, настолько в совершенстве владеющего собой и своими эмоциями. Влад мог припомнить всего два-три случая, когда Гермес что-то делал под влиянием душевного порыва. Это когда припекало очень сильно. И так получалось, что те эмоциональные решения в конечном итоге оказывались самыми верными... У этого человека все ходы просчитаны и распланы. Он великий игрок. Но у Влада никогда не возникало ощущение, что Гермес играет с ним. У них было общее Дело. И оба прекрасно понимали, что они в Деле – лишь фигуры, которые обязаны двигаться в русле общего замысла.

– Не буду попрекать, – буркнул Влад, уставясь на новую картинку, написанную маслом и изображающую стадо кабанов в кедровом лесу. В просторном кабинете, заставленном старинной мебелью – красное дерево с золотом, стены украшали многочисленные картины в тяжелых золотых рамах, на всех без исключения – звери, рыбки, цветочки. – Я отходчи-

вый...

– Влад, ты же незаменимый.

– Правильно. Я незаменимый. Мне не нужны отпуска. Я – киборг на страже Галактики...

– Мультиков насмотрелся, – хмыкнул Гермес. – Перекипел?

– Перекипел... Хотя что за энкэвэдешная привычка работать по ночам?

– Ночь – это наше время, Влад. Мы как упыри любим ее всеми фибрами души, потому что в тени легче всего творить историю... Теперь слушай новость. – Гермес провел пальцами по лежащей на столе доске для игры в Го – это японский ответ европейским шашкам, любимая игра Главного оперативного координатора «Пирамиды». – Объявился «Серый человек».

– «Вервольф»!

– Он!

– Значит, опять будет кровь...

– Уже два трупа... С сегодняшнего дня ты полностью переключен на разработку «Зеленая книга»... Руководитель разработки – ты. Куратор – Медведь...

– Я понял. – Влад до изотопного кризиса немножко поработал по «Зеленой книге», но больше на подхвате. Не обладал всей полнотой информации.

– Остаешься здесь. Ноутбук на столе. Там все необходимые материалы. Код доступа твой, стандартный... В твоём

непосредственном распоряжении три пятерки Казака. При необходимости можешь подключать, в разумных пределах, конечно, резервы. Все понятно?

– Все...

Гермес повернулся и уставился на Русича.

– «Вервольф»... Ох, Влад. Даже боюсь подумать, на что мы тут набрали... И чем все это кончится.

* * *

У лоха жизнь плоха...

– Бесплатная лотерея, – надрывалась Светка.

Толчея у метро «Алексеевская» была плотная. Народу на площади полно, но работа шла ни шатко ни валко. Шатаясь по площади мимо лотков, засунув руки по локоть в карманы и зло оглядываясь по сторонам, Жорик предавался невеселым мыслям.

В последнее время доходы рушились. Нет, лохов на Руси не становилось меньше. Только даже потомственный лох, которому сто раз по телевизору скажут, что в лохотрон играть нельзя, наконец допрет до того, что действительно нельзя. Все меньше народу клюет на беспроектную лотерею. Если так пойдет, то вскоре нужно будет переключаться на другие сферы – благо, новый вид мошенничества первое время безотказно приносит дивиденды. Вон, Кирюха со своей командой додумался до того, что провел акцию по индекса-

ции сгоревших в период либерализации денег. Всего-то просил, отдавая старичью красивые гарантийные бумажки, исполненные на лазерном принтере, внести первоначальный взнос. Сработало – собрал кругленькую сумму. А тут... С утра обули одного лоха. Да и то на пару сотен рублей. Ушел, даже не обидевшись. Две сотни!.. А за точку платить надо! А братве жить! А за жильё!..

Да, подпирает. Приходит пора менять род деятельности, искать что-то другое. А какая точка была еще пару лет назад! Бывало в три стола работали. Раз в неделю милиционеру начальнику деньгу таскали, и патрулю отстегивали, все довольны были. Но слишком разгулялись. Много жалоб пошло. А тут еще начальник ОВД взбесился. Получилось как-то поглупому. Ехала патрульная машина, так пацаны ментам через всю площадь и давай орать: «Передайте полковнику Семенову, что деньги мы сегодня не смогли принести. Завтра принесем». Полковник обиделся на такое нарушение правил конспирации. В общем, вышибли с точки. Правда, ненадолго – через три месяца заселились опять. Очень уж милиция голодная...

Вечер. Темнело. Народ из метро валом валил.

– Беспроигрышная лотерея, – гундела Светка, молодая, грудастая, кровь с молоком. – Выигрывают все. Благотворительная акция. Не проходите мимо. Получите выигрыш.

Бригада, в которой работал Жорик, была сборная, международная – из Донецка и Кишинева. Пацаны и девчонки

съезжались в Россию с четким представлением, что Москва – это гигантский денежный мешок. За два года ребята привыкли к каменным катакомбам, к толпам людей. В этой бурной реке страстей, мутной жиже человеческой неустроенности, алчности, наполненный победами, поражениями, все посвящено Верховному богу – Звонкой Монете! В этом городе много денег, которые легко взять!

Законы большого города и дикого бизнеса постигаются быстро. Один из самых основных – надо делиться. Не со всеми, конечно. С теми, кто сильнее и может доставить неприятности. С ментами, с бандитами. Когда затеваешь дело, нужно быстро и четко вникнуть, кому сколько платить. Переплатишь – поработаешь в убыток. Недоплатишь – быстро очутишься в обезьяннике в отделе милиции с отбитыми почками или в канаве с перебитыми ногами...

Пока Жорик предавался не слишком веселым мыслям, подкатил тот блеклый субъект неопределенного возраста в сером потертом костюме и клетчатой жеваной рубашке. Он походил на оставшегося без работы бухгалтера – невысокий, с залысынами, и щечки такие пухлые, что ущипнуть хочется.

– Пожалуйста, гражданин, – без былого задора, как-то дежурно обратилась к нему Светка. – Беспроигрышная лотерея.

Блеклый скользнул по ней взглядом. Взгляд какой-то снулый. И никакого интереса к жизни в нем.

– Возьмите билетик, – без всякой надежды продолжила

Света.

– Правда беспроницаемая? – любопытно спросил блеклый.

– Точно, – заулыбалась Светка, осознав, что перед ней хоть плохенький, но клиент. Ох, вид затрапезный. Ну хоть пару сотен с него слупить – и то хлеб.

И началась разводка лоха.

Это был воистину сладостный момент. Сейчас Жорик чувствовал себя чуть ли не сверхчеловеком. Он становился избранным, он владел помыслами человека, играл на его алчности и глупости. Ох, как же он умел это делать. Артист!

Для затравки Жорику предстояло сыграть тоже эдакого неуверенного лоха. Подыграть. Разогреть человека. Тут и возникает сладостное ощущение управления ближним. И пацаны в бригаде знали, что развести лоха никто лучше Жорика не может. Он будто гипнотизировал жертву. За это его уважали... И он уважал себя за это.

Дальше пошло как всегда – вы выиграли видеомэгнитофон, вон он в коробке. Но у нас есть еще один претендент, который выиграл тот же приз. Аукцион. Кто больше положит на кон денег, тот получит и видик, и все деньги. Такова игра...

Все шло, как по рельсам. Лох втянулся. Исправно на кон ложились деньги. Но вскоре Жорик начал испытывать какую-то сначала отдаленную, но нарастающую с каждой секундой тревогу... Его глаза и глаза лоха встретились. И ло-

хотронщик будто наткнулся на стену. Во взоре блеклого было нечто твердое, пугающее и вместе с тем затягивающее... Мысли путались. Воля к жизни уходила. Уже не хотелось ничего.

– Еще. – Блеклый кинул на лот несколько купюр...

– Вы выиграли, – неживым голосом произнес Жорик, пытаясь сбросить с себя оцепенение и не в силах сделать это.

– Благодарю. – Блеклый сграбастал с кона все деньги, усмехнулся, добавил «приз оставьте себе» и, как ни в чем не бывало, пошел дальше...

– Ты чего? Ты чего творишь? – подскочил к Жорику Михай, выходец из Кишинева, старший в смене. – Ты чего лоха с бабками с удочки сорвал?

– Он выиграл...

– Ты что триндишь, сволочь?! Обширялся, да? Приторчал?

– У него бабок полные карманы! А с виду обычное чмо! – встрял Леня по кличке Малютка, приземистый и мощный, как броневик, отбойщик. В его обязанности входило отбривать особо ретивых граждан, возмущающихся несправедливостью своего лоховского существования, и, если чего, придавить клиента массой.

– За ним! – прикрикнул раздраженно Михай, махая рукой в направлении, куда устремился блеклый.

Несостоявшийся лох обошел круглое белое здание метро, спустился по лестнице вниз, углубился в заросшие деревья-

ми дворы.

Четверо лохотронщиков во главе с бригадиром устремились в погоню.

Михай увидел замаячивший вдали серый костюм и сделал знак – сбавить ход. Сразу бить опасно. Надо проводить в укромное место. Лучше разделать его под орех где-нибудь в подъезде.

Но блеклый в подъезды не спешил, шел мимо новостроек, прошел через двор поликлиники, устремился вдоль длинного забора какого-то предприятия. Место для разборок – лучше не придумашь.

– Э, куда разогнался? – крикнул Михай, догоняя блеклого. – Мужик, ты нам должен.

Главный отбойщик Ленька Малюта быстро приближался к намеченной жертве, обогнав Михая.

– Лига защиты уродов тебе должна, – пугающе спокойно проговорил блеклый.

Михай чуть не споткнулся от такого.

– Ты чего загнул, петух гамбургский? – заорал он, убыстряя шаг. – Не, ты повтори...

Блеклый шел вперед, по-прежнему не оборачиваясь, не сбиваясь с размеренного шага, будто происходящее его не касалось. Это настораживало и одновременно бесило преследователей. Жертва не имеет никакого права вести себя так.

Парни догнали блеклого, обступили. Михай преградил

дорогу. Малюта взял жертву под руку – ласково так, как даму, рассчитывая с такой же легкостью, как женщине, сломать тонкую кость. Третий член бригады пристроился по другую руку. Угрюмый Жора, единственный, которому происходящее совсем не нравилось и которого душил тесный, тяжелый страх, не спешил присоединяться к своим соучастникам.

Поскольку жертва была в полной власти лохотронщиков, начинать избиение не спешили. Тогда весь кайф пропадет. Нужно с толком, с расстановкой объяснить лоху, кто он есть и где его место, а потом наказать по полной – вогнать в асфальт по макушку, чтобы год на лекарства работал.

– Ну чего, падла. Ты подумал, кого на хер послал? – Михай осклабился, с хрустом повел пальцами, сжал их в кулак, ударил им выразительно по ладони. По телу прокатилась истома. Ему нравилось втоптывать людей в асфальт. Особенно тех, кто не имел никакой возможности ответить тем же. Малюта сильнее сжал руку блеклого, который и не думал дергаться.

– Вы сильно ошиблись. – На устах блеклого появилась ломаная, невеселая и очень многообещающая улыбка.

– Чего, чего, козел? – Михай сделал молодецкий замах. Он с внутренним ликованием спускал все тормоза, понимая, что будет бить лоха, пока окончательно не выбьет из него весь дух.

Ударить он не успел. Держащий лоха Малюта вдруг начал произвольное неуклюжее движение и уперся мордой в ас-

фальт. Как это блеклый сделал – было непонятно. Он только извернулся как ящерица, а Малюта, казалось, сам только и мечтал о том, чтобы распластаться на асфальте. Поддерживающий лоха с другой стороны отбойщик получил короткий резкий удар ребром ладони в шею, всхрипнул, упал на колени, держась за горло. Блеклый небрежно, но с чудовищной силой ударил Жору, тот впечатался в бетонный забор и выключился.

– Сколько вас, дегенератов, расплодилось, – покачал головой блеклый и шагнул к потерявшему способность двигаться, а заодно и дар речи Михаю. У кишиневца брызнули в глазах искры...

Когда команда пришла в себя, блеклого и след простыл...

– Падла! Мочить его надо было! – завопил Михай, держась за раздавленную грудь.

– Вот и мочил бы, – произнес Жорик, кривясь от боли. Голова будто была залита ртутью. В ней плескалась тупая боль. – Михай, ты прыгай до потолка, что жив остался!

– Обосрался! – Михай подскочил к Жорику. – Ты ему, гондон рваный, тугрики слил! Ты!

– Убью, сука! – бешенство застлало Жорику глаза. Он бросился на Михая, твердо решив порвать ему глотку зубами в случае, если руками не додавит. Их растащили.

– Остыньте, припадочные, – между ними встал Малюта.

– Потом добазарим, – с угрозой пообещал Михай.

Вдалеке взвыла милицейская сирена.

– Валим отсюда, пацаны.

* * *

Влад, полуразвалившись на просторном матерчатом диване, продавленном, но довольно удобном, уже который час гонял ноутбук, оставленный ему. Время от времени он готовил себе чай с лимоном. Японские ученые недавно выяснили, что лучший способ борьбы с компьютерным одурением – это чашка холодного чая с лимоном. Впрочем, Влад дошел до этой идеи еще раньше, и этот напиток при работе с информацией глушил пол-литровыми чашками.

Работал Влад, уединившись от всех на КК-5 – конспиративной квартире номер пять. Это была обычная трешка на последнем этаже стандартной блочной шестнадцатиэтажки на северо-западе столицы. Здесь были все условия для жизни. Боевые товарищи позаботились о полном холодильнике, чае, кофе. Даже бар был заполнен самыми разнообразными напитками, которыми, впрочем, Влад пользоваться не собирался. В тишине и покое ему необходимо было заново осмыслить имеющиеся материалы. И, наконец, определиться, как тянуть из болота бегемота.

– Так, а что у нас в этом мешочке? – проворковал Влад, влезая в очередную папку с плотно упакованными файлами. При ненадлежащем обращении они тут же самоуничтожались, поэтому приходилось пользоваться паролями, откры-

вавшими доступ. Коды он получил от Гермеса отдельно.

Его всегда радовала строгая логичность и доступность, с которыми аналитики сортировали и оформляли информацию. Большинство разработок начиналось с таких вот хорошо проработанных файлов. После блестящего анализа вполне заурядных на первый взгляд фактов, натасканных из различных ведомств – МВД, Федерального Агентства госбезопасности, налоговой полиции, пограничной службы, внешней разведки. Не так редко та щебенка, которую презрительно отбрасывали сотрудники государственных оперативных подразделений, под зорким взглядом аналитиков «Пирамиды» начинала сверкать бриллиантовыми гранями. Искусство аналитики – это и есть сопоставление фактов, выявление в них системы, а потом и ее осмысление.

Влад преклонялся перед этим высоким искусством. Но он отлично знал, что даже самые блестящие умозрительные конструкции аналитиков способны лишь потешить эстетические чувства знатоков. В лучшем случае, из аналитических записок можно при достаточном упорстве и творческом порыве соорудить неплохой авантюрный роман-разоблачение на радость праздному читателю. Поэтому вслед за головастиками всегда приходят оперативники, задача которых действовать. Такие, как Русич, Казак. Они могут позволить себе методы, которыми давно не пользуются государственные организации, связанные правовыми и административными путями. И именно люди действия ставят точки над

«И», нередко свинцовые.

Итак, суть аналитической выкладки, трансформировавшейся потом в разработку уровня «А» под условным наименованием «Зеленая книга».

История эта началась не сегодня. Как всегда, аналитики обратили внимание на настораживающие факты, а потом выяснили, что почти со стопроцентной вероятностью имеют дело с системой, а не цепью случайностей.

На сей раз головастиков заинтересовал ученый люд. Точнее, отдельные представители научной общественности. Изредка это были увенчанные наградами и званиями люди, руководители научных коллективов. Чаще безвестные старшие и младшие научные сотрудники. Или законченные чудаки, не вызывающие ни интереса, ни сочувствия окружающих, свято уверенные, что сделали Большое Открытие, оставалось только осчастливить им человечество. Таких ниспровергателей основ, сумасшедших изобретателей вечных двигателей и покорителей незримого эфира в любой точке земли пруд пруди. Но особенно богата ими Россия. Они обивают пороги инстанций, как ужи проскальзывают за закрытые для них двери патентных бюро, как по мановению волшебной палочки материализуются в кабинетах главных редакторов научных журналов. Некоторым из них удастся приобрести быстротечную славу, легко надуваемую средствами массовой информации и так же легко лопающуюся, как мыльный пузырь. Чудаки растут, как трава на пустыре, – беспо-

лезные, но вроде никому и не мешают... Всех этих людей, попавших в сферу внимания «Пирамиды», роднила одна общая черта – все они умерли при странных обстоятельствах. Притом бесславная кончина настигала их после того, как они объявляли о своем Большом Открытии.

– Охота на чудаков, – усмехнулся Гермес, которому доложили первоначальную раскладку.

– Или выбивание перспективных технологий, – безапелляционно заявил руководитель группы аналитики. – Притом целенаправленное, на протяжении продолжительного времени.

– Какого?

– Минимум пятнадцати лет. Глубже копать трудно.

– Каждая такая акция требует профессионального дорогостоящего подхода, – заметил Гермес. – Значит, ставки высоки.

– И существует система, отслеживающая стратегически важные прорывы в технологиях.

– Это угроза национальной безопасности и будущему страны, – отметил Гермес.

Этими словами он выразил решение. Так началась разработка «Зеленая книга».

Аналитики без труда вычленили двадцать пять подобных случаев. Большинство из них – несчастные случаи и самоубийства. Внешне убедительные. Случайные пожары или взрывы бытового газа пожирали в лаборатории документа-

цию, иногда вместе с людьми. Качественные такие летальные случаи. Не вызывающие вопросов. До той поры, пока не сопоставишь их вместе. И тогда открываешь удивительную вещь – схожесть всех этих историй.

Итак, по порядку.

Влад щелкнул мышью, на дисплей вышла страничка до-сье.

Восемьдесят девятый год – исчезновение инженера, соорудившего на родном московском машиностроительном заводе трансформатор с коэффициентом полезного действия... 700 процентов. Возможно, ему удалось воссоздать утраченный в тридцатые годы резонансный трансформатор Теслы. Устройство порезано на металлолом. Чертежи не сохранились...

Девяносто первый год – еще одна сгинувшая разработка, в результате которой мог появиться совершенно новый класс компьютерной техники. Несчастный случай. Скончался непризнанный компьютерный гений.

Девяносто пятый – группа ядерщиков, три человека. Двое ученых упали на машине с моста в Псковской области. Третий покончил жизнь самоубийством. Отрывочные лабораторные журналы не могли дать представления о сути исследований. Так и непонятно было, какой приятный или неприятный сюрприз намеревались преподнести эти люди человечеству.

Девяносто восьмой – проект по геномным технологиям.

Один ученый умер от сердечного приступа. Другой – снова самоубийство. Кто-то начинает повторяться.

Позапрошлый год – взрыв лаборатории профессора Иващенко. Тоже гениальная инженерия. Новое ее направление, принародно охаянное и подвергнутое обструкции – волновая генетика... Тут шуму было много. Взрывчатки не пожалели – почти целое крыло здания НИИ обрушилось. Взрыв произошел ночью. Как раз тогда, когда делали очередную серию экспериментов. Из под завалов извлекли трупы четырех ученых. В том числе доктора Иващенко. Тогда теракт зачислили как разборку с полукриминальной коммерческой структурой, снимавшей соседнее помещение... Только вот на днях Рамазан Даудов признался, что его работа. И что действовал он по заказу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.